

ПОВЕСТЬ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

СКАЗАНИЕ ПРЕДИВНО ПОВѢСТЬ О ЦЫСАРЕ И О СЫНЕ ЕГО ДИОКЛИТИЯНЕ

Повѣмъ убо вамъ вещь сицеву¹. Бысть убо в Римстей области цысарь, ему же имя Елиазаръ, мудростию же не у сверъшенъ. Егда убо прииде в мѣре возраста, поя себе жену тоя же Римския области, своя держава, нѣкоего краля дщерь, дѣву сушу, красну зело.

Пребывъ убо с нею, и зачат от него во чревѣ имущи. Егда убо исполнишася дние роженію, роди отроча, и нарекоша ему имя Диоклитиянъ, отроча же растяще вельми чюдно и красно зело. Егда убо доиде до седмаго лѣта, мати его в недугъ впаде, еже умрети ей. Сия же, уразумѣвъ свое отшествие, призываетъ к себѣ мужа своего, славнѣйшаго цысаря Елиазара и рече ему: «Молю ти ся, великій цысарю, государю мой, понеже отхожу житія сего, прошу у тебя, единого дай ми по моей смерти!»

Он же рече: «О вселюбезная, проси еже хощещи, да сотворю». Она же рече: «Имѣем у собя сына си единородна, но понеже по моемъ отшествіи имаши женитись, молю ти ся, да не вдай ей владѣти над сыном наю, и не начни держати его при сѣбѣ и при ней, мачесе его, но отдаждь его далече, выиную страну в научение всякой мудрости, но аще и жалостию поболѣзнуеши о нем, но напоследок упокоиши его и возвеселишися о немъ». И сие рекше умре.

Цысарь же еѣ погребе с великою честью, и бѣ плача и сѣтуя по ней многи дни.

Минувшим же днемъ сѣтованію, вспомяну ея прошение и похвали разумъ ея, вдасть сына своего седми мудрецем, да научаетъ его всякой премудрости, елико сами научены.

Рече же старѣйшина мудрецъ прочимъ еже с нимъ мудрецем: «Послушайте, повѣмъ вамъ, созиждемъ полату среди Римъския области велию зело и подпишемъ на стенахъ от всякого любомудрия, кииждо что разумѣтъ, а вверху полаты напишемъ нѣбесныя бѣги и стихію, и звѣздное течение, дабы отроча всегда ²зрѣло ко учению² своему».

---

¹ таковую; ^{2—2} преуспеваю в учении.

Мудрецы же похвалиша совѣтъ его, создаша же полату велию и прекрасну зело и подписаша, елико ихъ уразумѣша, начаша же цысаревича учити с подщаниемъ и с прилежаниемъ великимъ зело.

Бывшу же ему во учении седмь летъ, мудрецы же между собою рѣша: «Хощем да искусим ученика своего цысаревича и узримъ, гораздо ли учение наше принялъ». И рекъ старей мудрецемъ, емуже имя Банцеллеус: «Положимъ ему под нози ¹по листу коблющему^{1*} кождо насъ и станемъ при постели его».

Се же имъ рекше, учиниша еже восхотѣша. Егда возляже цысаревичъ опочинути, они же пришедши и подложиша под нозѣ его по листу, сами же сташа при постели его. Диоклитиянъ же пробудися и нача смотрѣти вверхъ полаты своея и хвататись за постелю нача рукама своима.

Реша же ему мудрецы: «Великийъ господарю Диоклитияне, чего ради зриши вверхъ по полате и рукама хватаешь за постелю?»

Он же глагола имъ: «Зрю и не вѣмъ, любо с полаты моя вверхъ сопнулся, или подо мною земля поднялась кверху».

Мудрецы же проразумѣша и реша к себѣ: «Учения любомудрия цысаревичъ принялъ выше нашего, мнимъ, инъ таковъ мудръ в поднебесней не обрящется».

Сия же дозде², но на предлежащее возвратимся.

Матери убо отрочати умерши. По неколицех же днехъ приидоша к цысарю радныя паны его, боляре и дворяна думныя со всею его областью, начаша его молити: «Великий и преименитый, преславный господарь нашъ, цысарю, ещо убо ти средовѣчну³ сущу, супружницы же нѣ имѣешь. Молим ти ся, да посягнешы второй женѣ и воставиши плод в наслѣдие державы царствія твоего, да небезгосподарни останемся и недругомъ твоимъ, околнимъ царем, в расхищение впадемъ, писано убо есть в законѣ: аще кому умереть жена, посягнути на фтору, аще и вторая умереть, понуже посягнути и на третью».

Цысарь же рече им: «О преизящные мои рады нашея панове, боляре и думы нашея дворяне, и вси началники нашея области! Вѣсте убо снаслѣдника и сопрестолника моему господарству и вамъ господаря, имѣю си сына Диоклитияна, единочадаго ми суща, егоже премудра зело, а за любовь и за жалость жены моей, цысаревы первыя, не могу на другую посягнути!»

Они реша ему: «О великий, преславный господарь нашъ, аще сына си имѣешь Диоклитияна, а намъ господаря, но царство ти велико есть, и многие государства подъ твоею областью суть. Аще бы и много чадъ было у тебя, преславнѣйшаго господаря, и есть им где господарствовати, но боимся, егда нѣчто случитца твоему сыну, а нашему господарю, и намъ будетъ безъгосподарнымъ остатися, недругомъ твоимъ, околнимъ царемъ, в расхищение и в попрание, и землю нашу чюжии поядятъ».

¹—¹ по листку плюща; ² до сих пор; ³ не старый.

Сия же слышав, цысарь преклонись на ихъ прошенье и разосла по многимъ королевѣствомъ своего господарства повелѣ избрати дѣву юну и лѣпу, достойну царствія своего. Обретоша же *в некоемъ граде Костеле** деву красну зело, ея же приведоша к цысарю. Ю же узрѣвъ, почюдися красотѣ ея и возлюби ю зело, и забы любве, еже имѣ к первой жене своей, сотвори бракъ чуден и пресвѣтель зело. Созва на веселие брака того всѣ крали Римскія области, радныя панове и боляре, и дворяне, и многое множество людей господарства своего. Гласу же и звуку бывшу велию от брачнаго потѣшнаго учреждения, еже кимьваломъ и литаврь, и на кровь громогласія еже трубного клицания, и еже сурны сладкогласія, цымбалов же звяцания и аргановъ многогласія, и иныхъ много различныхъ мусикѣйскихъ согласія. Людемъ же всѣмъ всякого чину, веселящимся и славящимъ господаря своего цысаря и цысареву величающимъ.

Браку же мимо шедшу, сыну же цысареву на браку не бывшу, моления ради матери его еже ко отцу его, цысарю, бѣ убо в то время у мудрецовъ на училищи.

По некоемъ времени сказаша цысареве, мачесе его, еже о цысаревы сыне Диоклитіяне.

Мачеха же Диоклитіяня, слыша сия, нача негодовати и злѣ мыслити, дабы цысаря по сыне его в забвенье привести, еже не вспомянути его или инако погубити, мысля же убо се не едино лѣто.

Во едину же отъ ношей цысарю, лежащу с нею на постеле, и нача ей глаголати: «О вселюбезная и пресладкая, свѣте очию моею, утѣхо и возжеление сердечное, милая, прекрасная моя цысарева! Ничтоже в поднебесной точно твоей красотѣ, ничтоже любезнее тебя предъ очима моима, вся ни во чтоже суть, проси, еже хочещи, да сотворю прошение твое и не буди тое же, в чемъ преслушаюсь, но вся буди по воли твоей и ничто от тайны моей да не утаится тебѣ».

Она же, видевъ цесарево усердие и несумнѣнную ласку и любовь еже к себе, и восприимши дерзновение, рече к нему: «О пресвѣтлый и великий цысарю, господарь мой милый, аще праведно любиши мя от душа своя, даждь мнѣ видѣти сына твоего и моего, Богомъ данного Диоклитіяна!» Он же рече: «Се по воли твоей учиню».

И вскоре к мудрецемъ повелѣ написати послание сице от пресвѣтлѣйшаго и преславнѣйшаго, достохвалнаго великаго господаря Елиазара, цысаря Римскія области и многоименитыхъ господарствъ повелителя:

«Вѣдомо да есть вамъ, немалымъ лѣтомъ мимошедшимъ отлучихся сладчайшаго ми сына Диоклитіяна. Сего ради болѣзнуеть ми душа и плачет ми сердце, понеже много лѣтъ не видехъ его пресвѣтлаго образа и не слышахъ от устъ его премудрыхъ и медоточныхъ словесъ. Ныне же помышление вниде в сердце мое, да аще не узрю вскоре его и не слышу словесъ его,

¹зле гоньзнеть ми животь¹, не могу от жалости терпѣти, еже не видѣти его. Вы же не замедлѣниемъ вборзе привезете его ко мнѣ и от насъ достойную честь примѣте царствія моего».

Посланию же написанну бывшу, печатаеть его перьстнемъ своєю руки и скоростию посылаетъ его к мудрецемъ.

Привезену же ему бывшу, и приемше послание мудрецы и прочтошае. Достигши же ноши, начаша зрѣти на звѣзды и разсмотряти своимъ любомудриемъ во звѣздахъ, каковъ будетъ приѣзд Диоклитияну ко отцу.

Видятъ же убо се, егда приедетъ Диоклитиянъ ко отцу, и не возможетъ противъ отца слова изрещи никакова в седмь дний, но будетъ нѣмъ и безгласенъ, аще ему и смерть принять, и веденъ будетъ в тѣ во все седмь дний на шибалицу², да обѣсятъ³ его.

Видевше же сия, мудрецы смутишася зело и рекоша в себѣ: «Уне⁴ б намъ всѣмъ умрети, нежели Диоклитияну!»

Аже зреть ихъ унылыхъ и скорбящихъ ис полаты Диоклитиянъ и рече к нимъ: «О господии мои, седмь мудрецовъ, что васъ зрю унывшихъ и скорбящихъ зело?» Они же отвещавше и реша к нему: «О премудрый господарь нашъ, Диоклитияне цысаревичю, сего ради сътуемъ и зело скорбимъ, прииде убо к намъ от преславнейшаго государя нашего цысаря, отца твоего, послание, да безо всякого замедления вборзе с тобою, премудрымъ господаремъ, ѣдемъ к нему. Мы же о семъ своимъ любомудриемъ во звѣздахъ разсмотримъ, каково будетъ твое пришествие ко отцу, и видехомъ время зло: егда узриши отца своего, и не возможеша ни единого слова к нему изрещи в седмь дний, аще и смерть случится принять, и в тѣ седмь дний всегда на кииждо день веденъ будеша к шибелице на обѣшение напрасно».

Диоклитиян же рече имъ: «Хошу да и азъ вижу небо и звѣзды». Приспѣвши же второй ноши, призвавъ мудрецевъ своихъ и нача зрѣти на звѣздное течение прилѣжно, видитъ же сие все, еже ему сказаха мудрецы, и к тому еще видитъ, еже не узнаша мудрецы: да избудетъ тое напрасныя смерти и избавятъ его на седмь дней от смерти онѣ мудрецы, кииждо их на день, а в осмый день самъ оправдается, и у отца своего, цысаря, и у всѣхъ людей в велицей чести будетъ. И указа то видение во звѣздахъ и мудрецемъ своимъ. Они же прилѣжно о семъ смотриша и узнаша, что истинно Диоклитиянъ рек имъ, возрадовашася зело, что цысаревича Богъ сподобилъ превыше ихъ мудрости, начаша готовитися да едут к цысарю.

Во един же от дней в полудне спящу цысаревичу на ложи своемъ, видѣ сонъ: и се въздоша над него четыре месяцы, от нихъ же быша изросло седмь розгъ⁵, на тѣ же розгы възде ужи, и спущаша на него слины⁶, и пробиваху его насквозъ слины.

¹—¹ лишусь жизни, умру; ² виселицу; ³ повесят; ⁴ лучше; ⁵ ветвей; ⁶ слины.

Повѣдаше сонъ мудрецемъ своимъ, они же ему разсудиша: «Четыре месяца — четыре злодѣи суть, а семь розгъ — семь дней выведение на смерть, а ужъ сей — мачеха, а еже слинами пробивала — то отца твоего на тебя учнетъ подстрекати на убиение смерти». Сие же рекши, и поехаша.

Пришедшимъ же имъ в Римъ, стрѣте сына своего Диоклитияна отца его, цысарь, с великою радостію и, объем, целова его. Он же поклонись отцу своему и бысть нѣмъ, и не могии проглаголати, и не возможе ни единого слова изрещи ко отцу.

Цысарь же о семъ нача велми дивитися, что сынъ его к нему бесѣды не творить и слова никоторого не изречеть, и помышляше в себѣ: запретиша ему мудрецы, не веляху с нимъ глаголати.

Прием же его за руку, и веде подле себя, и нача на него смотрѣти прилѣжно, и рече ему: «О драгое мое чадо, сладкий, любезный сыну, повѣждь ми, како ты учиша мудрецы».

Он же, став пред лицомъ отца своего и поклонися, а слова ни единого не изрече ему. Цысарь же паки о семъ подивися и в недоумѣние впаде.

Слышав же о семъ, цысарева вельми возрадовася и, убравшись в порты многоценныя, и с паньями, и с боярынями прииде к цысарю и поклонися ему, и сяде близ его, и рече ему: «Сей ли есть сынъ наю?» Он же рече: «Сей, токмо молчить, а не глаголетъ».

Цысарева же рече: «Великий цысарю, по воли мнѣ дай, пойму его на едино и беседую с нимъ, и учиню се, что учнетъ со мною глаголати».

Цысарь же дает на еѣ волю. Цысарева же, вземъ Диоклитияна за руку, и восхотѣ его вести в нутреннюю комнату. Цысаревичъ же отнять у нѣе руку свою. Цысарь рече сыну своему: «Востани, иди с нею!»

Диоклитиян же воставъ, и поклонись отцу своему, и иде с нею. Она же повелѣ изыти от собя всем паньямъ, и боярынямъ, и дѣвамъ. Они же изшедши вонъ, цысарева же паки Диоклитияна приемъ за руку и посади его подле себя на постели своей, положи очи свои на немъ и рече ему: «О пресладкий мой Диоклитияну, свѣте очию моею, возгорѣние сердечное, жало любовное, лязи и буди со мною, да насытишися моя красота, и глаголи со мною еже восхощещи многажды, бо восхотѣхъ в девичествѣ видети тебя, и отца твоего молихъ, дабы ми показал свѣтлость лица твоего. Нынѣ же вижу красоту лица твоего и зело радуюся, но молю тя, свѣте мой милый, обвесели мое желание!» И обнемъ его, восхотѣ целовати. Он же отврати лице свое от нея. Она же рече ему: «О прелюбезный, что твориши и кого стыдишися, никто бо на нь здѣ зрит, токмо едина постеля и комната». И открывъ груди свои, нача казати ему тѣло свое, глаголя: «Диоклитияне, зри и люби тѣло мое по своей воли, аще ли сего не твориши, и ты злою смертию да умреш!»

Он же паки отвратися и не отвѣща ей ничего. Она же рече ему: «Мню убо, да нечто ради срамно не хочещь со мною глаголати, и ты убо возми бумагу и чернило и напиши, еже хочещи».

Диоклитиян же приемъ чернило и бумагу и написа ей: «О нарицаемая ми мати, живъ Богъ мой, не буди ми уподобитися Авесалому, еже осквернити ложе отца своего! Ей, мати моя, не буди то, не буди, прочѣ же да не стужай ми к тому, и слова от мене никакого не имаша слышати!»

Она же, възрѣвъ на нь з гнѣвомъ, яростию рече ему: «Скоро да умреша злою смертию!»

Писание же Диоклитияне зубами изорва, и одеяние свое растерза до пояса, и лице свое до крови изорва, и нача вопити велиимъ гласомъ: «О господие, помози ми, не дайте сему незаконному сыну цысареву изнасилovati мя!»

Услышав же сие велие кричание, цысарь и вниде к ней. Цысарева же паде на нозе его с великимъ воплемъ и слезами и рече ему: «О великий, милостивый государю, помилуй мя, се убо сынъ твой злый, дьяволъ и лихий человекъ! Азь бо взяхъ его в комнату свою, хотя его в бѣседу привести, дабы что глаголалъ, он же безстудиемъ наполненъ сый, нача мя нудити к греховному падению. Аз же много отрицахъся и рекохъ ему: „Что хощеша творити, незаконниче?“ Он же хотя мя насилеи осквернити и се видяще, растерза ризы моя и лице мое окровави, и аще бы ты не вскоре пришел, то уже бы онъ надо мною свое скверное хотение учинилъ и ложе бы твое, отца своего, осквернилъ. Молю ти ся, пресвѣтлый государю мой, учини избаву мнѣ, а ему отомъщение!»

Цысарь же от жены своя слышавъ сия, и на сына своего велми разгневася и яростию zelною разжегъся на нь, повелѣ его обѣсити.

Видевше же се паны и боляре его и, возжалишася зело, приступиша к цысареву, и реша ему: «О великий государю наш, не подобает сего вскоре сотворити, еже сына казнити, дондеже¹ испытаеша известно о немъ, понеже единчадѣ ти есть».

Цысарь же повелѣ его в темницу всадити.

Видевши же цысарева, еже цысарь сына своего не казни, нача неутѣшно плакати. Цысарь же, пришед к ней, рече: «О любимая ми, что плачеша?»

Она же рече ему: «Понеже обещался еси мнѣ за срамоту мою казнити сына своего и не казни его, и еже обѣщася се солгано,² да збудется тобѣ, аки некоему добру древу со младымъ древцемъ²».

Цысарь же рече ей: «О любезная, прошу у тебя сея повѣсти, да исповѣждь³ ми!»

Притча 1 цысаревны о нѣкоемъ древе и о огороднике

Цысарева же рече ему: «Слыши убо, о цесарю, бысть нѣкий человекъ в Римѣ, имѣя у себя виноградъ⁴. Бѣ же в томъ винограде древо велми красно.

¹ пока не; ²—² случится с тобой то, что произошло с хорошим деревом из-за молодого деревца; ³ расскажи; ⁴ сад.

Плод же его исцеление творяше, аще кто от него ясть, немии — глаголаху, глушии — слышаху, и всякими недуги одержимыя — исцелевахуся. Человѣкъ же той от древа онога вельми обогатѣ.

Случи же ся ему нѣкогда притти в виноградъ смотрити древа того, и узрѣ близ древа онога младое древо израсте. И призва человекъ той ¹приставника винограду¹ и рече ему: „Поливай младое древо, дабы росло скоро, мню бо, что то младое древо будет лутчи старово”. По повелѣнью же господина своего приставник винограду нача поливати древо.

По неколицех же днехъ прииде господин видѣти древа того и виде, и се не борзо² растеть, и призва к себѣ приставника винограда, рече ему: „Не рѣхъ ли ти се древа поливати, се же мало растет твоим небрежениемъ!”

Приставник же винограду рече ему: „Се зриши, старое древо велико и высоко, и много вѣтве, но до младаго же древа не дасть солнцу восходити, посему младое древо не борзо растеть”.

Рече же господин винограднику: „Обсѣки у старого древа розги³, дабы солнце доходило до младого древа”. Он же старого древа розги обсече, паки по нѣкоемъ времени прииде господин винограда видети древа и рече винограднику⁴: „Что се младое древо косо⁵ растет?”

Рече же ему виноградник: „Старое убо древо есть высоко, солнцу и дождю, и вѣтру до того древа не дасть доходити, и сего ради косо растеть”.

Господин же рече ему: „Подсеки убо старое древо все, да не творит пакости младому древу, имам бо на него надежду, да подасть плод лутче старого древа”.

Приставник же винограда по повелѣнью господина своего подсече старое древо, потом же исше⁶ и младое древо.

Слышавше же гражане погубление старого древа — великие люди, и нищие и убогие — плакахуся о немъ велми.

Разумѣши ли сия, цысарю, еже ти сказахъ? Повѣм ти и россужение его: древо убо старое — твое величество, а великия и богатыя от твоея власти думы навикают, а немощныя и убогия от тебя милость приемлютъ; младое же древо — есть у тебя сын твой проклятый; а еже хотѣ древцо вѣтра, убо есть хочеть сынъ царства твоего; а еже подсѣкоша старое древо — се умышляеть, хочеть тя убити; плакаху же ся по древу вси людие — се по тебѣ начнутъ плакаться».

Рече же ей цысарь: «Правда, еже глаголеши, заутра сынъ мой да умереть!»

Наутрия ж цысарь осуди сына своего на смерть, повелѣ обесити.

Ведому же ему с трубами, и с *тимпаны*,* и с пѣснями, провожаху его, плакаху же ся по немъ вси людие, рекоша другъ ко другу: «Что се господарь

¹—1 садовника; ² быстро; ³ ветви; ⁴ садовнику; ⁵ плохо; ⁶ высохло.

нашъ сотвори, еже сына своего единочадаго, мнимъ, неповинна суща, предасть на смерть? Аще и сто бы сыновъ у него было, и не могль бы сего сотворити».

Приведоша же его на уреченное мѣсто, и се борзостию коня прискака мудрецъ, ему же имя Венцелеус, и рече приставником: «Молю вас, господине, пождите мало время, да не обѣсити цысарева сына, неповинна суща, азъ бо борзо ѡхавъ к цысарю и Божию милостию избавлю его на сий день от смерти».

Цысаревич же поклонися мудрецу своему, аки нѣкое слово хотящу ему изъглаголати, мудрецъ же борзо нача скакати к цысареве полате и, вшедшу ему в полату, рече: «О великий цысарю, в вѣки живи!»

Он же возрѣ з гнѣвомъ, рече ему: «Изыди ис полаты моя, окаянне, дахъ язъ вамъ в научение сына своего рѣчиста, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же сей да умереть, послѣди же и вы тою же смертию да умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «Сынъ твой не глаголетъ, се временно есть, по времени паки возглаголет, а еже восхотѣхъ осквернити ложе твое, се не истинно, лестию оклеветанъ ти есть, да постражеша горше того, еже нѣкий цысарь для слова жены своя уби надежнаго пса своего, пес же той избави от смерти сына его едиnorodнаго».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семъ, како сотворися». Он же рече: «О великий цысарю, не вели на сий день казнити сына своего, аз же повѣм ти притчу сию». Цысарь же посла скоро не веле казнити сына своего и повелѣ его отвести в темницу.

Притча 1 мудреца Венцелеуса к цысарю о псе и о соколе

Мудрецъ же восприимъ рече: «Слыши убо о цысарю, бѣ невкоем мѣсте живяше рыцарь храбръ зело, имѣ у себя одинаго сына, младенца суща, и любяше его зело. Пристави к нему три мамки: первая его да кормитъ перьсами, другая да обмывает, третья же качаетъ и утешаетъ. Имяше же той рыцарь пса да сокола и любяше ихъ велми, пса за еже ¹ни с каким звѣремъ роспуску не было¹, сокола за еже ²ни с которою птицею розлѣту не было². Обычай же у пса оного бѣше таковъ: егда рыцарю лучитца³ ѡхати на бой, и аже будетъ ему на дѣле⁴ помощь Божия, сей же пес, аки волхвуйа, чрез его и чрезъ коня трижды скочит. Егда же ему на бой ⁵не часъ⁵ ехати, пес же онъ великимъ гласомъ выя и коня его узду грызаяще.

Случи же ся нѣкогда, званъ бысть той рыцарь и з женою на пирь, и поѣха, поем с собою и люди своя, в дому же своем остави сына и три мамки его, и

¹—¹ любого зверя одолевал; ²—² любую птицу одолевал; ³ случалось; ⁴ в бою; ⁵—⁵ не время.

пса, и сокола. Мамки же отроchte узыбаша его в колыбели, и успе отроча, сами же изыдоша на дворъ да играютъ, оставиша во храмине младенца спяща и с ним пса и сокола. Псу убо спящу, сокола же сидѣвшу, и се внезапно изыде ужъ ис-под лавки и нача, обращаяся, зрѣти ¹сѣмо и овамо¹ и, не увиде во храмине людей, нача приближаться ко отрочати, хотѣ его заѣсти. Узрѣ же соколъ ужа ползуща ко отрочати, нача трепетатися, дабы песь убудился и, виде его спяща крѣпко, доста носом за губу и ушкну² его, бѣ бо спя близъ его. Песь же убудися и узрѣ ужа ползуща борзостию, ринувся и сцепившася с нимъ, и начашася ѣсти между собою. Ужъ убо пса изыде во многихъ мѣстехъ, а песь ему одолѣ и до смерти загрызе, от крови же ихъ стечеса вся храмина. Егда же песь и ужъ брашася³ между собою, извалиша отроча ис колыбели, и оторвася колыбель, покры отроча, и удавив же песь ужа и ляже на немъ близъ у колыбели суть. Придоша же в храмину мамки отрочате, видевше же храмину кровию сплывшуся и пса лежаща кровава, и колыбель опровержену, отрочате ж не узрѣвше, мнѣвше, песь отрочай изыде, и розбежашася. Едина же мамка приде к рыцареве, плача и вопия велиимъ гласомъ: „О, нѣ веси, госпожа, пес сына вашего изыде до смерти и леже у колыбели!”

Рыцарева⁴ же, слышавъ смерть сына своего, велиимъ гласомъ воскрича. Слышав же рыцарь кричание жены своея, притече и рече к ней: „О чемъ плачеша?” Она же рече ему: „Се прибежа мамка и сказа, сына наю⁵ изыде пес до смерти”.

Рыцарь же, слышавъ, возьмѣ мечъ свой и иде борзо в домъ свой, прииде во храмину, гдѣ бѣ сынъ его, и виде ю кровию стекшуся, а колыбель сына своего на земли поверженну и пса, близъ ея лежаща, лижуща колыбель. Песь же узрѣ господина своего, и скочи к нему, радуяся. Он же изыят мечъ и ткну его, и пресече надвое, и подня колыбель, и обрете сына жива, спяща. Нача ж смотрѣти, откуда по храмине учинися кровь, и обрѣте ужа великого заедена, и оскорбеса о псе скорбию велиею зело, нача плакати, понеже уби неповиннаго, такова разумна для слова жены своея».

⁶Сия рекъ⁶, мудрец возгласи: «Слыши убо, преславный, милосердный господарю мой, цысарю, но да не и ты раскаишися, убивъ сына си единороднаго, неповинна суща, для слова жены своея и начнеша неутешно плакати о сыну своемъ».

Слышав же сия, цысарь похвали мудреца о притчи его.

Услышав же цысарева, что сынъ цысаревъ еще не умре, нача вельми плакати и главу свою попеломъ⁷ посыпа.

Прииде же цысарь и рече ей: «О, любимая, что плачеша?» Она же рече ему: «Не се ли обѣщася еси мнѣ сына своего за срамоту мою обѣсити, и се слышу, еже живъ сый, да не како се прилучится тѣбе, аки нѣкоему пастуху з диким вепремъ⁸».

¹—¹ туда и сюда; ² клонул; ³ боролись; ⁴ жена рыцаря; ⁵ нашего; ⁶—⁶ это рассказав;
⁷ пеплом; ⁸ кабаном.

Цысарь же рече ей: «Повѣждь ми о семъ, любимая!»

Она же отвеща: «И во вчерашний день тебѣ сказахъ, и помощи себѣ никоя не учинихъ, повѣмъ убо и се, да разумѣши еже о сыну своемъ».

Притча 2 цысаревы к цысарю о нѣкоемъ вепре и о пастусе

«Бысть нѣкий король, имѣ въ государстве своемъ великий лѣсъ, в нем же, лесу, живяше дикий вепрь, бѣ же лють зело, по всякимъ мѣстомъ проходя, изѣдаше люди. Приидоша же ко кралю всѣ люди его господарства, моляху его с великимъ воплемъ, да избавить ихъ отъ насилия вепрева.

Король же посла многихъ рыцарей на того вепря, повелѣ его убити, вепрь же рыцарей всѣхъ побѣ. Король же посла второе, и в третее, он же и тѣхъ всѣхъ побѣ. По семъ король в недоумѣнии бысть.

Имяше же король той дщерь единародну, и пусти кличь по всемъ градомъ господарства своего, иже кто убьетъ вепря того, да дастъ за него дщерь свою.

Случи же ся нѣкако единъ нѣкто пастухъ, пася скотину, за поясомъ же имѣ у себя секиру, и узрѣ его вепрь той, напусти на него. Он же утече у него на великое древо виноградное. Вепрь же нача древо подъядати, пастырь же нача ягоды рвати и вѣтвие съ ягоды вепрю метати. Вепрь же нападеся на ягоды, нача ихъ ясти, а пастырь же болши нача к нему метати. И наядеся вепрь ягодъ до великие сытости, и ляже под тѣмъ древомъ спати. Пастух же узрѣ его спяща, и наклонися на него, единою рукою держася за древо, а второю нача вепря чесати, и узна его спяща крѣпко, и изъять топоръ, и уби его до смерти. Король же выдаде за него дщерь свою. Послѣди же его той пастухъ королевствова на его мѣсто».

Сия же цысарева изглагола и рече цысарю: «Разумей, яже ти глаголю: приличнѣ людие не возмогоша стояти противъ тебя, а пастухъ — знамение твоего злаго сына, еже над тобою своею мудростию умышляетъ; смокви еже метание к вепрю знаменуетъ проклятыхъ его мудрецовъ, еже умолвятъ тя лестными словесы; чесание же вепря пастуха того претворит, еже сынъ твой и с своими мудрецы, лживыми своими словесы умолвивъ, тя хочеть убити и на твоёмъ престолѣ сѣсти и господарствовати».

Цысарь же речей ей: «Разумѣю, яже глаголеши, и не буди того, еже сыну убитим, я утре повелю, да обѣсятъ его».

Она же рече ему: «Аще сия учиниши, то добро себѣ сотвориши».

Наутрие же цысарь повелѣ сына своего обѣсити.

Ведому же ему на шибелицу, и се приѣхав мудрецъ, ему же имя Лентелеусъ. Возопиша же к нему вси людие с великимъ гласомъ и рекоша аки едины усты: «О преизящный мудрецъ, аще ти возможно, да избавиши сына цысарева, ученика своего, от смерти!»

Мудрецъ же рече имъ: «Не ускорите вести его скоро х казни, аз де на сий день избавлю его от смерти». Диоклитиян же поклонися, аки нѣкое слово хотя к нему изрещи. Мудрецъ же нача к цысареве полате скакати борзо, и вниде в полату, и рече: «О великий цысарю, в вѣки живи!»

Цысаръ же рече ему, яростно возревъ на нь: «Изыди, окаянне, борзо ис полаты моя! Азъ убо дахъ вамъ сына своего речиста, вы же сотвористе его нѣма и напрасно восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же онъ да умретъ, последи же и вы обще с ним да умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий цысарю, еже сынъ твой нѣмъ, сие времяно есть, а еже оскверни ложе твое, сие лжа, а не истинна, лестию убо оболганъ есть; то бѣ, понеже мачеха его сама хотяще с нимъ быти, нынѣ же срамъ свой покрываетъ и вину свою на него возлагаетъ. Но вѣдомо буди тобѣ, о великий господарю, аще ли убьеши сына своего неповиннаго для жены своея, горшае постражеша, аки нѣкой старый рыцаръ от младае жены».

Цысаръ же рече ему: «Повѣждь ми о семь».

И мудрецъ рече ему: «Молю ти ся, да не умретъ сынъ твой на сий день, и аз повѣм ти притчу сию».

Цысаръ же повѣле сына своего отвести в темницу, и се мудрецъ рече: «Слыши, о великий, преславный господарю мой, цысарю».

Притча 2 мудреца Лентелеуса к цысарю о молодой жене

«Бысть нѣвкюем граде рыцаръ старъ сый, на старость поня собѣ жену велми красну. Обычай же имяше: егда внидетъ к ней спати, тогда ложню¹ свою замыкаше, ключи же под возглавие себе кладяше. Ея же не можате утѣшати, старости ради своея, и егда усыпаше, и се жена его ключи крадяше и исхожда же к нѣкюему младу юноше. Совершаше с нимъ свое хотѣние, утѣху от него приимаше, тѣло свое блудом услажаше и, приходя от юноши, паки ложню замыкаше, и ключи под возглавие кладяше, а сама за нимъ ложашеся. Случи же ся нѣкогда, во едину от ношей рыцаръ вниде к ней спати и замъкну ложню свою, якоже обычай имаше, и положи ключи под возглавие себѣ. Егда же нача спати, абие² жена его вземъ ключи ис-подъ главы, якоже обычай ей бяше, и иде к любимому си юноше потѣшения ради тѣла своего. Рыцаръ же убудився от сна, и се жены нѣсть подлѣ, нача же смотрѣти ключей, и не обрете. Востав же от постеля, и прииде к дверемъ ложницы своея, и обрете отомчену и отворенну. Он же запре дому своего и врата, и ложню, и сяде в вышнемъ оконце, зря на улицу, откуду поидетъ жена его.

¹ спальню; ² тотчас.

¹И какъ будетъ кликнушемъ тремъ куromъ¹, прииде жена его, и обрете врата и двери заперты, и нача толкаться вельми. Рыцарь же рече ей: „О проклятая чужеложница, уже испытно увѣдехъ тя, яко всегда с постеля моя ходишь к своему рачителю², но за сие да будеши поймана страждьми, поставлена на пруде³ и казненна грацкою казнию по обычаю градцкому!”

Обычай иже бяще града того, егда кто изыманъ будетъ после решотошного звону на улице, мужъ или жена бездѣлно ходяще, то поставляютъ его на пруде и казнятъ грацкою казнию. Слышав же сие речение от мужа своего, жена начатъ к нему лестно глаголати: „О прелюбезный, свѣте мой милый, что тако твориши и глаголеши! Прииде бо ко мнѣ девица от матери моя и повѣда ми, что мати моя в болѣзнь впаде. Аз же тя убудити ⁴не смѣхъ⁴, и взяхъ ис подыглавия ключи, и ходихъ к матери своей навѣщати и видѣти ея немощи. Нынѣ же молю ти ся, отопри ми двери и пусти мя в дом свой, да не изымана буду стражи, и не наведи мнѣ и роду моему бесчестия, а себѣ на старость срамоты, Бога ради, пусти мя!” Он же рече ей: „Не плоди словесь, окаянная, увѣщая мя лестию, но понеже еси чужеложьствова, и за сие буди изымана стражи и поставлена на пруде и осужена смертию!”

Она же паки моляшеся ему, глаголя: „Помилуй мя, и помилуй мя, и пусти мя в домъ свой, да не злѣ умру!”

Рыцарь же речей ей: „Не пусторечи, окаянная, и не лукавнуй, окаянная, скоро да умри!”

Бѣ же дому его близъ кладязь глубокъ. Она же, слышав мужа своего отвѣтъ яростень и гнѣва наполненъ, и рече ему: «О предрагий и прелюбезный, свете очию моею, се видиши кладязь сей? Аще мя непустиши в дом свой, азъ шедъ в онъ утоплюся». Он же рече ей: «Унѣ⁵ утони, окаянная, неже при мнѣ чужеложьство твори».

Она же рече ему: „Се учиню по твоей воли: вниду и утоплюся, но молю и прошу у тебя, Бога ради, вели мя погрѣсти у Пречистыя и у всѣхъ святых, за моя же грехи вели роздати все имение мое, еже принесохъ к тебѣ с собою”.

Сама же, поднявъ камень велий, иже лѣжа близъ кладезя, и рину его в кладязь, и опустивъ, от кладезя утаися и ста у вратъ близъ вратъ двора рыцарева.

И услышав же рыцарь ис кладезя звук велий, мнѣвъ жену свою кинувшуся в онъ, и раскаяся, зжаловася по женѣ своей и нача мыслити: „Подам ей уже⁶ и извлеку ея ис кладезя, и избавлю от смерти, вперед убо она сего не учнетъ творити”. И возьмъ уже, отопре врата из дому своего, и иде ко кладезю, и пусти уже в кладязь, и нача кликати ея ис кладезя.

¹—1 и когда пропели третьи петухи; ² любовнику; ³ запруде; ⁴—4 не посмела; ⁵ лучше; ⁶ веревку.

Она же отвѣта не даетъ ему. Рыцарь же, около кладезя ходя, и нача рыдати, и тужити стенаниемъ, и, въздыхая, глаголаше: „Ох, увы мнѣ, страсному¹, погубихъ убо жену свою, унѣ было наказывати и учити дома, нежели сей злой смерти предати ю”.

Жена же, сѣтование мужа своего услыша, и подобно время обрете, утече в домъ мужа своего и запре ворота крѣпко, дабы мужу ея в дом невозможно внитти, а сама сяде в том же мѣсте при окнѣ, идѣже² седе рыцарь, и розсмѣяся вельми, и рече громко мужу своему, рыцарю: „О ненавистый псе смердящий, и гнуснѣ, и блядиве, проклятый старче, чюжеложниче нечистый, что волочишися, бродя по блядемъ?”

Рыцарь же, услыша гласъ жены своея, вельми обрадовася и рече от радости: „Слава Богу, иже есть жена моя здрава, утѣха души моей, подпора старости моеей!” И рече ей: „Зриши ли, како аз о тебѣ промышляю и сѣтую, дабы ты не умерла?”

Она же рече ему: „Слыши, беззаконниче, еже ты на мя клеветалъ. Зрит Богъ, аз тому неточна, но збышася древнихъ человекъ речение: кий человекъ самъ кое зло содѣя, и он хошет, чтобы всякой человекъ таков же был. Ты убо сам чюжеложствуеши по блядем да и меня себе равну нарицаеши, чюжеложницею мя зовещи. За неправду же твою буди тобѣ, да пойман будещи строжи, поставлен на пруде, занеже аз терпѣх ти много”.

Рыцарь же рече: „О милая и любезная ми жена, аз тебе рех, дабы ты впред так не творила, а не хотех ти никоего зла учинити! Нынѣ же молю тя, не учини ми на старость срамоты, понеже от юности и доселе в чести бых, нынѣ же на старость на меня хощещи бесчестие навести и чюжеложствомъ оклеветати, неповинна мя суца на смерть готовиши. Молю ти ся, Бога ради, пусти мя, потом никоего слова не услышиши от мене!”

Она же рече ему: „Не пусторѣчи, блядове, унѣ здѣ муку приими, онамо³ в вѣки начнеши царствовать!”

Рыцарь же, не имѣя надежды спасения, нача горко рыдати: „О горе, увы мнѣ, злѣ погибаю от жены своея!” И нача жалостно к ней глаголати: „О пресвѣтлая господарыни моя, молю ти ся, не предаждь мене на смерть, для распеншагося на крестѣ нас ради Христа Бога, пусти мя в домъ свой и мой!”

Она же рече ему: „Премолчи, окаянные, кто тя имать в домъ пустити, такова злодѣя, не имаши внитти!”

Тогда зазвониша в колокол, и узрѣша рыцаря стражи на улице, и поимаша его, и рекоша ему: „Что твориши, нощию по улицамъ ходиши, а вѣси⁴ грацкя заповѣди и уставы?”

Рыцарева же жена нача сторожем на мужа своего жалобу творити и лукавыя словеса на него аки пращею метати: „О господие мои, Богъ свѣдый тай-

¹ несчастному, неразумному; ² где; ³ там; ⁴ знаешь ли.

ная сердца челоуком, той вѣсть, яко идох за него дѣвою сущею и непорочною. Сий же старецъ дѣвство мое разоря, и не спитъ со мною, ходитъ всегда по блядемъ, и се вы его зрите нынѣча, идуща от бляди по улице, но поимете его и ведите к судьям, да исполнять над ним законъ грацкій”.

Стражие же емше его и в суд ведоша. Рыцарева же жена иде за нимъ к судьямъ и иска пред судьями на немъ дѣвства своего, а слася на сторожей. Судьи же грацкия осудиша неповиннаго на смерть и по уставу грацкому велѣша его казнити, а домъ и имѣние его все отдаша женѣ его. Жена же его со всѣмъ тѣмъ поиде за своего рачителя, с ним же чужеложествова.

И сия рек, мудрец возгласи: «О цысарю, разумѣши ли, еже изрекох ти, да невозможно есть убо и всѣмъ женамъ вѣрити».

Цысарь же рече: «Но отселе сынъ мой не умретъ!»

Цысарева же слыша сия, еже сынъ цысарев не умретъ, начатъ велими рыдати, власы свои терзаючи, велиимъ гласомъ крича и вопия: «О горѣ, бѣда ми и срамотѣ моей, почто на сий свѣтъ родихся, буди проклят день рождения моего!»

Цысарь же рече к ней: «О пресладкая ми, почто стена вопиеша, сокрушая своими слезами свою и мою душу?»

Она же рече ему: «Како не плачу, срамоты своя, не токмо же себѣ, но и твоя любве, еже ко мнѣ имаши, да и над тобою не то же учинитъся, како нѣкоему рыцарю от сына своего, его же любляше зело. Таков бѣ ему любим, еже и живот свой за него премѣни, он же отца своего забы любве, уби его, и не похрани тѣла его».

Цысарь же рече ей: «Повѣждь ми, любезная, како ся сотвори».

Повесть 3 цысаревы о нѣкоемъ рыцаре убогомъ и о детех его

Отвѣщавъ, цысарева рече: «Бысть нѣкий рыцарь древле в Риме, имѣя у себя единаго сына и двѣ дщери. Обычай же имяше той рыцарь часто на битвы ѣздити во многие господарства, споемлючи с собою всюду и сына своего. И в тѣхъ ездехъ имѣние свое истощи все, и одолжа великимъ долгомъ. И нача глаголати сыну своему: „О милый сыну, аз убо при старости, а ты младъ еси, еще же имею двѣ дщери, сестре твои, нѣ имею же с чемъ ихъ отдати замужъ, долгу ради своего. Но что сотворю? На разбой ли поѣдем или учнем красти, да искупимся от долгу своего и было бы намъ, чем питатися?” Сия же слыша, сынъ похвали совѣтъ отца своего.

Бысть же в то время цысарь в Римѣ Октеньянъ, охочъ бѣ до злата и, имѣя у себя многое множество злата, насыпа же себѣ велию полату злата и постави стражи.

И рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: „Отче, сотворимъ мотыги и подкопаемъ полату, и возмемъ злата доволно”. Рыцарь же похвали совѣтъ сына своего, и сотвориша собѣ мотыги, и шедше, подкопаша полату и взяша злата, елико возмогоша, и тѣмъ златомъ искупишася от всего долгу своего.

Стражи же полаты узнаша, кимъ мѣстомъ ис полаты злато крадено, и поставиша в томъ мѣсте великий котель смолы разваря.

Они же приидоша во вторыя украсти злата и поидоша в скважню, идѣже прокопаша. Вниде же преже отецъ его, и егда пустися, и урвася в котель в смолу по груди, и рече к сыну, дабы к нему не отпускался. Он же пустися бережно и не увязе в томъ котлѣ. Видѣв же отецъ, что невозможно его сыну его избавити ис котла, и рече к сыну своему: „О чадо, одинако¹ мы умрохомъ! Приими мечъ и отсеки главу мою, и возми злато доволно и главу мою с собою. Мене же остави безглавна, да не познан будеши”. Он же злата взял, елико возможе, и приимъ меч, отсѣче главу отцу своему, и положи ю в мѣхъ, и отнесе с собою.

Наутрие же приидоша стражи и взяша татя безглавна, и повѣдаше о немъ цысарю. Цысарь же повелѣ трупъ мертваго татя по всему граду возити по улицамъ и по малымъ переулкамъ и посла за нимъ люди многи, и рече имъ: „Смотрите прилѣжно, да егда в коемъ дворе узрите, еже тѣло мертвое видѣвше начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведета ко мнѣ”.

Возиша же его много по улицамъ и привезоша в улицу, идѣже живяше сынъ его и дщери. Узрѣша же дщери отца своего, мертва возима, и воскричаста великимъ гласомъ, и начаста плакати. Сынъ же его, слышавъ кричание сестръ своихъ, борзо ринувся к нимъ, извлече ножъ и уколол себя в бедро, и рече сестрамъ своимъ: „Егда вы поимають и начнут спрашивати, вы же рцета имъ, что по мнѣ плачете”.

Слуги же цысаревы, слышавше в томъ дворе кричание, и ринушася имати, и узрѣша брата, лежаща поколота, и сестры над нимъ плачущеся, и мнѣвше правду, отидоша от нихъ.

Цысарь же повелѣ мертвое тѣло обѣсити, и висе два лѣта, а сынъ его не соиме, и не похрани».

Сия изрекъ, цысарева нача глаголати к цысарю: «Внимаеши ли, о превеликий, преславный господарю мой, еже ти изрекохъ?» Он же рече ей: «Зело внят, о любимая ми, да не и мнѣ от моего сына то же будетъ. Наутрие же сынъ мой да умретъ!»

Егда доиде до утрияго дне, и рече слугамъ своимъ: «Идѣта и обѣсите сына моего».

Ведому же ему бывшу на уготованное мѣсто, и се мудрецъ его, ему же имя Катъ, прискаче борзо на конѣ и рече к приставомъ: «Господине мои, молю

¹ в любомъ случае.

вы, не поспѣшите казнити сына цысарева, аз шедъ, умолю цысаря, да не повелитъ на сий день сына своего казнити!» Они же отвѣщаша ему: «Буди то!»

Цысаревичъ же видѣвъ его, поклонися ему, аки нѣкое слово хотѣ ему молвити. Мудрецъ же ѣде ко двору цысареву, и вниде в полату, и поклонися, якоже обычай есть, цысарю челом ударити. Цысарь же рече ему: «Изыди скоро, окаяннѣ, ис полаты моя!» Мудрецъ же рече ему: «О великий господарю, цысарю, се ли мы у тебя выслужихом?» Цысарь же рече ему: «Коя ваша ко мнѣ служба? Дахъ азъ вамъ сына своего доброрѣчнovo, вы же учинисте его нѣма и безгласна, и сквернителя ложа отца своего. Нынѣ же онъ да умереть, последи же и вы с нимъ обще умрете!»

Мудрецъ же рече: «О пресвѣтлый цысарю, глаголеши, сынъ твой нѣмъ, се времянно, судъ Божий на него прииде, а еже глаголеши, ложе твое осквернити хотѣ, се есть ложь, а не истинна, понеже не видѣхомъ в нем никоея злости распаления плоти его. Да не случится тебѣ, аки нѣкоему торговому человѣку». Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семъ, како ся учини!» Мудрецъ же рече: «Повели убо сыну своему, да сего дни не умереть, азъ же повѣм ти». Цысарю же повѣле сына своего отвести в темницу.

Повѣсть 3 мудреца Ката о нѣкоемъ госте и о птице, глаголемой сороке, и о жене

Мудрецъ же, восприимъ, рече: «Слыши убо, о преславный господарю, цысарю, бысть нѣкий гость¹, имѣя у себя жену вельми красну. Да у него же бѣ птица, глаголемая сорока, глагола жидовскимъ языкомъ, сказывая ему, гостю, всю истинну, что ся без него дома ни творить, или что от кого слышитъ, то все господарю своему исповѣсть, он же еѣ за то вельми любляше. Жена же его при немъ веръстою² зело млада, аки господарыня наша цысарева предъ тобою. Гость же той не часто спаше с своею женою, но нѣ возможе еѣ утѣшити вождельные похоти, старости ради своя, и сего ради жена его возненавидѣ его и имъ гордѣти³ нача. Приучи же к себѣ греховнаго ради хотения своего и вождельния плотскаго нѣкоего юношу лѣпа⁴ и юна суца, могоща скверное ея похотное желание исполнити и любодѣйства возжеление утолити, и пламень ярости и несытства блуднаго угасити. И нача с нимъ чюжеложьствовати и несытною его любовию любити, и егда же мужъ ея отхожаше на куплю, она же в то время с чюжеложником своимъ пребываше, скверное хотѣние свое совершаше. Сорока же, видѣвъ сия вся, господарю своему исповѣдываше, гость же, слышавъ сия от сороки, жену свою зелно бѣяше. Рече же ему жена его: „Ты убо вѣришь проклятой сорокѣ, покамѣста она у нас ни будет, и мѣжу нами всегда мятежь будет”.

¹ купец; ² возрастом; ³ пренебрегать; ⁴ красивого.

Гость же рече ей: „Та убо сорока не имѣеть лгати николи, что видить или слышит, то и скажетъ, болши язъ ей вѣрю, неже тебѣ”.

Случи же ся нѣкогда, поѣде гость той на куплю, жена же его посла к рачителю своему, дабы к ней скоро пришел. Он же до нощи не иде к ней, дабы его людие не видели, егда же достиже¹ нощь, и онъ прииде к ней, и ляже с нею.

Услышав же то, сорока нача глаголати госпоже своей: „О госпожа моя, что твориши, господаря моего и своего не убоишися мужа, в потемкахъ чужеложство твориши!”

Нача же и к чужеложнику глаголати: „О злый человекче, почто сотвориши зло господарю моему, любодѣствуеши з госпожею моею, а съ ево женою! Аще ты во образъ не вижу за темностию нощи, но гласъ твой слышу, и о всѣмъ том сповѣмъ господарю моему”.

Юноша же рече: „Слышиши ли, о жено, сия проклятая сорока насъ всѣмъ людемъ огласить”. Она же рече ему: „Аз убо той сорокѣ сей же нощи учиню смерть”.

И воставъ² в первое куроглашение², отпусти рачителя своего и любовника, и возва дѣвку, и повѣле ей на верхъ клѣтки дробин намѣтати, * идѣже сѣдѣше сорока, и пушаше громъ, и льяше воду на ту сороку, и шибая дробинами и пескомъ, и малымъ каменѣцем.

Сорока же озябе от студена и малодушествоваша³, чая, что вправду на нѣе громъ бысть. Егда же мимо иде нощь и приспѣ день, и прииде к ней госпожа ея, и повелѣ под нею подмести, и рече ей: „О милая моя сорока, дождемъ тебя и громомъ забило”. Се же ей рекши, аже приѣде гость, мужъ ея, и нача сороки спрашивати, да повѣсть ему, что сотвори ся без него.

Сорока же рече ему: „О милый господарю мой, повѣм ти все, что слышахъ. Жена убо твоя, а моя госпожа, бес тебя чужеложествова в нощи, мнѣ же было нелзѣ видѣти во образъ любовника ея за темностию нощи, но гласъ его слышахъ и понощахъ ему ярыми словесы, да быхъ убоялся, да и женѣ твоей, а своей госпоже, много о семъ воспретихъ. Они же меня не послушаста, и спасти и чужеложествоваста. А надо мною, господарю мой, бысть бѣда велия ночесъ, есми от грому и от дождю мало не умрохъ”.

Услышав же то, гостина жена и рече мужу своему: „Господарь мой милый, почто вѣришь той сорокѣ, что промежь мною и тобою ложь, а не истинну, и ненависть творить своими лживыми словесы слагаючи, и срамоту мнѣ приносить предъ всѣми людьми. Аще ли хочещи извѣрити тое сороку себѣ, прямо спроси всѣхъ сосѣдъ, бывал ли ночесъ громъ, и молния, и дождь, и яже будетъ, то она тебѣ правду сказала, и аз готова на позоръную смерть”.

Слышав же сия гость от оустъ жены своей, и нача в томъ спрашивати всѣхъ сосѣдъ своихъ, в такову преходящую нощь видѣша, бил ливней дождь, и

¹ наступила; ^{2—2} когда запели первые петухи; ³ обманулась.

громъ, и молния. Сосѣди же сказаша ему, что не бысть в ту ноц ничтоже, мимо иде тиха.

Жена же гостя того нача плакати и рече мужу своему: „Ужели еси извѣдалъ правду сороки своя и разумѣши ли на мя ложь ея, аз убо по еѣ ложному оглашению во всемъ граде обещена”.

Гость же поня вѣры лстивым глаголомъ жены своя, и вземъ ис клѣти сороку, и оторва ей голову. Жена же его улучи желание свое и обнемъ, целова его и возвеселися зѣло, и рече мужу своему: „О милый господарю мой добрый, доброе дѣло сотвори, уби сороку, отсельъ будем в покое жити”.

Гость же идѣ паки х клѣтке, идѣже сѣде сорока, обхожаше близъ клѣтки сѣмо и овамо, и обрете над клѣткою тою вверху дробины, и песок, и воду, и огарки, и удивися сему, и разумѣ леть жены своя, что жена его на ту сороку лила воду и дробину, и пѣсокъ, и камение мѣтала. И нача вопити и тужити нѣутѣшно: „О бѣда ми, что сотворих, лсти не разумѣхъ, убих вѣрную свою сороку для слова жены своя!” И пад, и имѣние свое все розда нищимъ, сам же дошед во Святую гору и бысть мних».

И сия рекъ, мудрец возгласи: «Разумѣши ли, господарю мой, цысарю, яже повѣдах ти?» Цысарь же рече: «Добре разумѣхъ, да не умереть сынъ мой!»

Цысарева же услыша, что еще сынъ цысаревъ избавлен от смерти, и плака ся велми. И сказаша о семъ цысарю, яко цысарева плачетъ. Он же прииде к ней, нача ей тѣшити. Цысарева же рече ему: «Жена есми твоя, ты же отдал мя сыну своему на блудъ и ¹лестию хотѣлъ еси мнѣ оборонь учинити¹, за срамоту мою и за бесчестие хотѣл еси сына своего убити. Нынѣ же слышу, еще живъ сынъ твой!» Цысарь же рече ей: «О преслаткая и любезная ми цысарева, хотѣлъ есми учинити, за срамоту твою и бесчестие, сына своего убити, да сказаша ми мудрецы притчи многие, азъ же отложих смерть сыну своему».

Она же рече ему: «О пресвѣтлый господарю мой милый, дабы ся тебѣ се не сотворило, какъ нѣкоему цысарю от седми мудрецов». Он же рече ей: «О любезная, повѣждь ми!» Она же рече ему: «Азъ убо много тебѣ изглаголахъ, ты же мнѣ не внимаеши и не исполняеши моего глаголанія». Цысарь же рече: «Аз убо размышляю, и на вся мѣры претворяю, и много думаю, дабы сына своего не убити напрасно».

Цысарева же рече ему: «Понеже то мудрецы тебѣ к розказанію всегда повѣсти чинят, азъ же разумѣхъ, яко сказаніе ихъ лжи наполненно, и аще учнешь имъ вѣрити, повѣм ти сему разуму притчю». И нача глаголати.

---

¹—1 обманул, что хотел меня защитить.

Притча 4 цысаревы о мудрецах,
како ради корысти своя ослѣпиша цысаря

«Бѣ нѣкогда древле в Римѣ у цысаря семь мудрецовъ, держаше его царство все и землю, и судиша, и без ихъ совѣту и думы цысарь ничего не творяше. Умыслиша же своимъ чернокнижствомъ, отъяша зракъ от очию его, оного цысаря. Егда бѣше в полатѣ своей сѣдѣше, и тогда видѣше, егда же ис полаты исхождаше, тогда ничего не видѣше. Сотвориша же ему онѣ слепоту сию того ради, дабы имъ владѣти господарствомъ и богатѣти. Послѣди же паки восхотѣша они сотворити цысарю, дабы опять видѣль, и не возмогоша.

Умыслиша же и рекоша к цысарю: „О великий господарь нашъ, да повелит твоя держава в царствии твоёмъ положити заповѣдь: аще кто увидитъ какой сонъ, и с тѣмъ сномъ повели ходити к намъ, мудрецемъ, для розсказанія”. Цысарь же сотвори тако. Егда кто сонъ видѣше, к мудрецемъ хождаше, онѣ же ему сонъ розстворяху¹, и от того взимаху злато, смотря по человѣку. И собраша онѣ от того множество злата.

Во едину же от дней цысарю сѣдѣшу в полате своей с цысаревую, и начатъ тужити и глаголати женѣ своей: „О жено, велику бѣду терплю, не вѣмъ, что ся ми учини, в полатѣ убо вижу, а ис полаты вышедъ, не вижу. И много о семъ испытахъ, кто бы ми пособил, и не возмогоша”.

Цысарева же рече: „Послушай убо мене, о господарю мой, есть бо у тебя семь мудрецовъ, многимъ людемъ пособляють, а тебѣ ли не могутъ очей излѣчити за твое великое к нимъ жалованье. Но убо рцы к нимъ слово отвѣтно: «Аще пособити мнѣ не возможете и очей моихъ не излѣчите, вѣдомо да буди вамъ, смертию да умрете!»” Цысарь же похвали думу жены своей и изрече к мудрецемъ слово отвѣтно по совѣту цысаревы.

Мудрецы же, услышавъше от цысаря ярости и гнѣва наполнено слово отвѣтно смертное, и молиша, егда бы имъ далъ сроку на десять дней. Цысарь же сроку даде имъ. Они же призваша к себѣ чародѣевъ и волхвовъ и совѣтоваше с ними, како бы имъ возможно излѣчити цысаря, и не возмогоша, вездѣ того изыскиваша и не обретоша.

Во единъ же от дней тѣхъ виде нѣкий человѣкъ сонъ и прииде ко онѣмъ мудрецемъ разсуждения ради, и сказа имъ сонъ свой. Они же ему отказаша: „Понеже еси лѣгъ спати пьянь, и тобѣ нелѣпое грезилось, и в твоёмъ снѣ нѣтъ ничего”, а взяша у него фунтъ злата, а сна его не разсудиша. Он же поиде от нихъ, закручиняся. Идушу же ему, игры дѣть дѣтище на улице — камышки. И узрѣ детище его унывши идуща и, возопивъ, рече ему: „О человѣче, не тужи по златѣ, еже далъ еси мудрецемъ, азъ бо тобѣ твой сонъ даромъ роскажу, токмо мнѣ повѣждь его!”

¹ растолковывали.

Человѣкъ же той сонъ свой росказа ему, отроча же рече ему: „О человѣче, сотвори собѣ мотыки желѣзны и иди на видѣнное тобою мѣсто, идѣже видѣлъ еси дрозлове¹, и копай ту, и обрящещи богатство велие”.

Человѣкъ же той по словеси отрочате сотвори тако, и иде на уреченное мѣсто, и нача копати, и обрете великое богатство — многое множество злата. Воземъ же человѣкъ той два фунта злата и иде искати отрочати. Идущу же ему, и се вострете мудрецовъ, кимъ преже даде фунтъ злата. Рекоша же ему мудрецы: „Камо² идеши?” Он же рече имъ: „К вамъ бѣхъ преже приидохъ и вдахъ вамъ злата, и не повѣдасте ми сна. Обретох же отроча, и отгада ми сонъ мой, и по повѣльнию его наидох много злата, и се ишу его и несу ему за то два фунта злата”.

Мудрецы же поидоша за ним искати отрочате того, и обретоша его в том же мѣсте, игры творяща, камышки, якоже есть обычай детемъ играти. Человѣкъ же той прииде к нему, кланяся и дая ему два фунта злата. Отроча же рече ему: „О человѣче, не буди ми взяти от того, еже Богъ дарова, но иди, моли за мя Бога”. Мудрецы же, видѣвше отроча мудрость велию имуща и воспросиша его о имени его. Он же рече имъ: „Мерсянин ми имя есть”. Рекоша же ему мудрецы: „Господарю нашему цысарю сѣдящу в полатѣ и видяше, егда изыдетъ ис полаты, бывает ослеплен, ничего не видя. Можеш ли его излѣчити, о юноше?” Отроча же рече имъ: „Мощно”.

Мудрецы же поемше отроча, идоша с нимъ к цысарю и сказаша яже о немъ цысарю, еще хощетъ его излѣчити.

Цысарь же, видѣвъ отроча младо суще, и рече ему: „Можеш ли мя излѣчити, о милое отроча?” Отроча же отвѣща ему: „Могу, о великий, преславный господарю мой цысарю”. И паки рече ему отроча: „Идемъ убо, господарю, в постельную ти комнату и тайно повѣм ти”.

Цысарь же воставъ и поемъ отроча, и вниде с нимъ в ложницу свою. И узрѣ же отроча постелю цысарьскую и повелѣ цысаревымъ слугамъ сняти постелю, *и обрете под постелею родникъ, а на немъ семь строментовъ вортаютца*,* учинено великими чары. И рече отроча цысарю: „Видиши ли, господарю цысарю, потому ты не можеш видѣти”. Цысарь же, видѣвъ сия, нача дивитися и рече отрочати: „Мощно ли ти сей родник-здоло³ отделити от строментовъ?” Отроча же рече: „Мощно, токмо изъядь ихъ, мудрецевъ своихъ казни всехъ, понеже тобѣ случися изменою, и господарство твое лживо судиша, того ради над тобою, господаремъ, такъ и сотвориша своими чары, дабы им сопротивства от тебя не было никоторого”.

Цысарь же по словеси отрочати мудрецевъ своихъ казни всехъ, а строменты и здоломъ изубиша. И паки рече отроча цысарю: „О великий, преславный, многоименный господарю мой, цысарю, се убо приспѣ время, взыди на конь и поѣди тѣшитися, амо⁴ же хощеши, и узриши свое здравие, можеш всюду

¹ источник; ² куда; ³ источник; ⁴ куда.

видѣти!» Цысарь же всяде на конь и еде, и отворися ему свѣтъ, начать всюду зрити по-прежнему. Отроча же то цысарь нача жаловати, вдасть ему многое богатство».

И сия изглагола, цысарева рече цысарю: «Разумѣши ли, господарю мой, еже азъ сказахъ ти? Тако убо и твои мудрецы над тобою сотворять, еже бы сынъ твой господарьствоваль, а онѣ бы владѣли».

Цысарь же рече: «Во утрие повелю сына своего обѣсити, потомъ и мудрецевъ казнити».

Во утрие же день рече цысарь слугам своимъ: «Поимше сына моего, ведите и обесите!» Слуги же поимше цысаревича, и ведоша, и по немъ идяху вси людие и плакахуся.

Мудрецъ же его, ему же имя Елиазар, забежа на конѣ напередъ. Узрѣвъ же его цысаревичъ, и заплака, и поклонися ему, и возопиша вси людие велиимъ гласомъ, реща мудрецу: «Умоли цысаря, да избавиши ученика своего от смерти!»

Рече же имъ мудрецъ: «Не плачитесь, имѣю надежу на Бога и чаю, могу его избавити от смерти». Доѣде же цысарева двора и вниде в полату и удари челомъ цысарю, якоже обычай имяху.

Цысарь же рече ему: «Изыди скоро, окаяннѣ злодѣю, ис полаты моя! Дахъ азъ вамъ сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, и безгласна сквернителя, восхоте бо ложе мое осквернити, жену мою изнасилovati. Нынѣ же сей да умереть, а вамъ по немъ то будетъ!»

Мудрецъ же рече ему: «Что глаголеши, господарю мой, еже сынъ твой нѣмъ, тои есть судомъ Божиимъ временно, паки возглаголетъ. А еже ложе твое хотѣ осквернити, то есть ложь, а не истинна, невозможно и вѣрити тому. Но ащели сына своего казниши, горшае того обрящещи, аки нѣкоему рыцарю прилучися от младае жены».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми, како ся учини!» А сына своего повѣле в темницу отвести.

Притча 4 мудреца Елиазара о нѣкоемъ рыцаре и о жѣне его, еже восхотѣ попа любити

Мудрецъ же восприимъ рече: «Слыши убо, о великий, преславный господарю мой, цысарю! Бысть нѣкий рыцарь стар сый праведенъ, не имѣя жены много лѣтъ исполни. Придоша же к нему сродницы и друзи его, начаша ему глаголати и стужати, дабы женился. Он же, слышавъ многие словеса с укоризною от сродства своего и от друговъ, поня себѣ жену красну велми и нача ея любити зело, но не имяше от нея чародия¹.

¹ детей.

Во едину же от дней воставъ жена его рано на утреннюю к церкви. Обрете же во церкви мать свою и, обнем, целова ея и о здравии ея спроси.

Мати же ея нача ея спрашивати о здравии мужа ея. Она же отвещав, рече ей зль: „Мя вопрошаеши, мати, о муже моемъ! Не могу зрѣти и слѣда его, понеже не имамъ утѣхи никоея от него. Егда спящу ему на ложи со мною, лѣжитъ, аки клада¹ неподвижима. Но молю ти ся, советуй ми, хощу убо иного любити, дабы ми давал утѣху тѣлу моему!”

Рече же ей мати ея: „Не моги греха сего учинити, о любезная дщи! Отец твой и азъ вѣкъ изжихомъ тѣла своего не осквернихомъ!”

Она же рече ей: „О милая мати моя, не дивися сему, понеже соидостеся и отец мой, и ты млади, и вы другъ друга потѣшаста, а не такъ, якоже мой мужъ старѣй, не можетъ ничего учинити, на ложи лежить, аки клада. Сего ради хощу иного любити!”

Рече же ей мати ея: „Кого хоцещи любити?” Она же рече: „Попа, а не болярина, ни дворянина”.

Мати же речей ей: „Лутче любити рыцаря или дворянина, ино менши греха”.

Она же речей ей: „Хощу попа любити сего ради, аще и в людех стою с попом или наодине, ни кто не осудитъ”.

Мати же ея рече: „Послушай моего совѣта, о дщи моя, искуси мужа своего виною. Аще ли тобѣ пропустит, и ты люби попа”.

Рече же дочь ея к ней: „Чимъ убо могу искусити?”

Рече ей мати ея: „Повели у него въ винограде высечи лутчее древо, и будетъ ти спустит, и ты люби попа”.

Она же повелѣ лутчее древо высечти и исколотити в дрова. Мужъ же ея прииде тогда с лову с собаками. Она же рече: „В тѣхъ дровехъ огонь складе!”

Рыцарь же нача грѣтись у огня и узна духомъ древо, что древо его любимое горитъ, и нача спрашивати огородника: „Почто убо ты его древо посѣкъ, азъ убо его любяхъ паче всехъ дрѣвъ!”

Огородник же рече: „Повелѣ ми то древо посѣчи госпожа моя, жена твоя”.

Рыцарь же рече женѣ своей: „Что сотвори и почто подсече древо любимое ми?”

Она же рече ему: „Видиши ли убо, время студено, азъ убо повелѣхъ его посѣчи да огонь сотворю, тобѣ еже согретися”.

Рыцарь же речей ей: „Спущу тобѣ нынѣча, потомъ не сотвори тако!”

Во утрие же жена его иде в церковь и обрете мать свою, и рече: „О мати моя, сотворих по повелѣнью твоему, и не учини ми мужъ ничего. Нынѣ же хощу попа любити”.

¹ колода.

Рече же ей мати ея: „Слыши, милая дщи, обычай бѣ старыхъ мужей — первую вину отпустятъ. Нынѣ же совѣтую ти, искуси его на фтору”.

Дщи же ея рече ей: „Не хочу, о мати, еще искусити!” Мати же ея рече ей: „Молю тя, милая дщи, моего ради благословения, сотвори по совѣту моему, искуси его во вторые!” Она же рече ей: „Како его искусити?”

Мати же рече ей: „Есть у него собачка маленькая постелная, любить еѣ зело, и ты еѣ убей, и аще тобѣ спуститъ, и ты люби попа”.

И прииде мужъ ея к дому, и ляже на ту ночь с мужемъ своимъ на ложи. И се оная собачка вскочи на постелю, она же ухвати собачку за ноги и удари о стену крѣпко, дондеже у нѣе мозгъ из главы выплыль. Рыцарь же видѣ то, нача ей поносити: „О проклятая и блядемъ подобная, что твориши? Аз убо ея люблях надъ всемъ животомъ своимъ, ты же уби еѣ до смерти напрасно при мнѣ!”

Она же рече ему: „Что браниши, собака другое одеяло испоганила, мы же имъ очи прикрываем”, — и нача плакати.

Рыцарь же рече ей: „Что плачешь? Престани и лязи, азъ тобѣ и сию вину отпущу”. Она же объеъмъ, поцелова его и ляже с нимъ. Наутрие же воставъ, иде в церковь и обрете матеръ свою, и сказа ей все по ряду.

Мати же ея рече: „Послушай убо мене, о дщи моя и не отрини наказания¹ матери своей. Обычай убо есть старымъ людемъ терпѣти, искуси же его в третее”.

Рече же дщи ея: „Не пусторечи, мати моя, уже бо его всяко искусихъ и видехъ от него велию грозу, и ничтоже ми сотвори. Нынѣ же хочу любить попа”.

Она же рече ей: „О милая дщи, молю тя, послушай меня для мене и для рожения ради моего, послѣднеѣ молю тя, искуси его в третее, но аще сие претерпить, люби попа”.

Дщи же рече ей: „Чимъ убо искушу его в третее?”

Рече же ей: „Се убо будутъ мужу твоему имянины, и будетъ у него великъ пир, и егда придуть на пиръ вси званые гости и мы, отецъ твой и азъ, и сядуть в мѣстехъ своихъ, ты же сяди противу отца своего. И егда поставятъ еству и питие все, мужъ же твой воспроситъ у тебя въ ествы зелья, ты же повѣждь ему, что замъкнуты ключи того ларца, и, вставъ из-за стола, поиди да зацепи за скатерть, и опроверги еству и питие все, бутто ся ненарокомъ, и аще то тебѣ спуститъ, и ты люби попа”.

Она же рече ей: „Искушу по твоему словеси послѣднее, о мати моя!” И сие рекши, иде в дом свой.

Приспѣвшу же дни имянинъ мужу ея, созданнымъ бывшемъ гостемъ на пиръ, и сѣдъши за столомъ, и пред поставленной ѣстве и питию сѣдши же и женѣ его противу отца своего, по прежереченному словеси. И егда мужъ ея вос-

¹ наставления.

проси зелья въ еству, она же рече ему: „Замкнухъ ключи в ларце”. И, воставъ, поиде и запяся за скатерть, и опроверже всю еству и питье, и гостей перелия.

Видѣв же то, рыцарь разгнѣвахся зело и образъ свой премени, и засрамися от всехъ людей, еству же и питие повелѣ изнова готовити, и потом с веселиемъ пирова.

Пиру же мимо шедшу и гостемъ розѣхавшимся, рыцарь же иде и ляже спать в особой хранинѣ, з женою же своею не ляже спати. Во утрие воставше, иде к церкви и слышавъ заутрени, и шедъ х кровопуску, и рече ему: „Иди и пусти женѣ моей крови из жилъ, ис которыхъ азъ тебѣ повелю!”

Кровопуску же пришедшу в домъ его, обрете же рыцарь жену свою на постели спящу. И рече ей: „Востани борзо!” Она же рече ему: „Милый господарю мой, рано еще востати”. Рыцарь же паки рече: „Борзо востани!” Она же рече ему: „Чего ради ми востати?” И рече ей: „Надобеть тебѣ крови пустити!” Она же рече: „Никогда же не спускавахъ!”

Рыцарь же рече ей: „Правду глаголеши, еже крови не пускавала, нынѣ же повелю тобѣ азъ крови пустити, за что неподобное твориши, досаду ми и укоризну принесла еси. Первое — без моего повелѣния велѣла ты подсеци древо в винограде моемъ любимое, второе — уби собачку любимую же, третье — ты же вчера еству и питье опроверже, гостей всех перелия, срамоту ми учини. То убо в тобѣ вся злая кровь играетъ, нынѣ же ея выпущу, и потомъ мнѣ такова безчестия не приведешь!”

Востав же с постели, жена его нача молитися: „Молю ти ся, — рече, — милый господарю мой, помилуй мя, не сотвори ми сего!”

Он же рече ей: „Проси от Бога милости, дабы отпустилъ грехи твои, а от мене же не проси никоея милости!”

Востянувъ руце ея, рече кровопуску: „Аще не поткнеши гораздо жилы женѣ моей, то азъ у тебя поткну все жилы из шеи твоея!”

Кровопускъ же ткнувъ в жилу, идеже указа рыцарь, и испусти много крови, и егда нача бледнѣти, рыцарь же повелѣ руку отпустити и жилу завязати, и повелѣ руку другую востянути.

Жена же его паки нача молитися: „О, милый господарю, молю ти ся, пощади, пощади, помилуй мя се уже умираю!”

Он же рече ей: „Ты почто неподобное мнѣ сотворила ешь?” И повелѣ кровопуску тять в жилу. Он же потя жилу, и изыде кровию болши того, и егда нача обумирати, он же повелѣ и тое руку спустити и жилу завязати, и повелѣ ей итти на постелю, и рече ей: „Отселъ получишь еши!”, — и отъиде от нея прочь.

Она же посла по матеръ свою, дабы пришла вборзе навестити ея. Прииде же мати с радостию ко дочери своей. Она же рече матери своей: „О милая мати моя, се уже умираю, ты же мнѣ не вѣришь!” Рече ей мати ея: „Азъ тобѣ все поведлахъ, старые люди кручинны и милостивы. Нынѣ убо хочещи ли любити попа?”

Дщи же ей рече: „Ни, мати моя, не буди того, не хошу любить попа, ни иного кого, кромѣ мужа своего!”»

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Како о семъ разсудиши, господарю мой, цысарю?»

Цысарь же рече: «Зело мя ползова притча сия, — и разсудих. — Аще бы спустил жене своей рыцарь в третье, то бы в четвертое от нея живота своего гоньзнул¹».

Мудрец же рече: «Брезись о господарю мой, великий цысарю, и ты от жены своея, дабы тобѣ горшае того не сотворилось, аще убьеши сына для слова жены своея!»

Цысарь же рече: «Да не умреть нынѣ сынѣ мой!»

Цысарева ж слышавъ яже о Диоклитияне, что еще не умре, и восхотѣ бежати ко отцу своему, и сказаша о семъ цысарю. Цысарь же приде и рече к ней: «О любезная ми, что твориши и камо идещи?» Она же рече ему: «Иду в домъ отца моего, понеже не хошу видети смерти твоея! Сказахъ убо тобѣ многия притчи, ты же не внимаеши, а слушаеши и внимаеши мудрецовъ своихъ, то же убо сотворитца тобѣ, якоже содѣяся древле Актовияну, цысарю Римьскому, охочу бывшу до злата, имже гражане, уста ему залиша».

Цысарь же рече: «Повѣждь ми, любезная, о семъ, коимъ обычаемъ то учинися». Она же рече ему: «Не повѣмъ, поѣду в домъ отца моего!» Цысарь же рече: «Не буди то, что тебѣ ехати от меня, вины ради моя!»

Она же рече ему: «Правду глаголеши, ея же ради, твоя вины, хотѣлъ убо еси сына своего убити, а се живъ есть, и невозможно тебѣ вѣрити!»

И рече цысарь: «Хошу изыскати правду, да не без ума убию сына своего. Ты же повѣждь ми, да было бы к чему примѣрится».

Она же нача глаголати.

Повѣсть 5 цысаревы о нѣкоемъ цысари, любящемъ злато, емуже гражане и горло златомъ залиша

«Бысть в Римѣ нѣкий цысарь, емуже имя Октоянусъ, любя злато зело и собираше ему многое множество, и многие же королевства воеваша римлян, и извоевани бяху римляне от всехъ земель, понеже не возмогша противитися.

Бѣ же у нихъ в то время мудрецъ, емуже имя Варнеусъ. Придоша же к нему римляне и рекоша ему, дабы имъ учинилъ своею мудростию оборону. Он же сотвори имъ на нѣкоемъ мѣсте велию башню, и на ней сотвори многое множество оконъ великихъ, и во всякомъ окнѣ сотвори по челоуку во образъ и во имя прежнихъ древнихъ цысарей и королей, и подписа ихъ имяна, и вдаде имъ,

¹ лишился.

всякому челѡвѣку, в руке по колоколу и по яблоку златому. И егда кий царь или краль с коея страны помыслить итти войною на Римъ, и на той башне той челѡвѣкъ станеть звонити в свой колоколчик. По тому же вѣстнику римляне на ту украину и войско отпустятъ, и побежаху, и не можаху околние цари и крали противъ ихъ стояти, и всѣ к Риму приложишася. И аще коя земля мало помыслить восхоцетъ от Рима отложитися, и той образъ начнетъ на башне звонити же в колоколчикъ, и звонитъ, дондеже та земля добѣтеть челомъ Риму.

Да той же мудрецъ учини у нихъ на некоемъ мѣсте огонь всегда горящъ, никогда же угасаше, и у того же огня учини воду потече нѣскагого древа, убогихъ ради, дабы ея пили и обмывалися ею. И постави у огня оного и у воды образ¹, и подписа его: „Кто мя ударитъ, той отомщение прииметъ”. Образъ же той стояше у огня и у воды много лѣтъ.

Нѣкогда же приде ко образу тому злый челѡвѣкъ — прокуда, воръ, и прочте писмо и рече: „Аз тя ударю, да кое ми отомщение восприиму!” А начаяся² под тѣмъ образомъ нѣкую казну схоронену, и того ради удари, и образъ розби. И копа под тѣмъ образомъ много, и не обрете ничего. Огонь же той и вода убогихъ погибе, и прокляша челѡвѣка оного, что отнялъ от нихъ покой и веселие.

Потом же вскоре помыслиша отложитися от Риму три крали, но не смѣша, тоѣ ради башни, и начаша собѣ, думати, коимъ образомъ сотворятъ брань с римляны. И рекоша к нимъ паны ихъ и отговариваху: „Вѣсте ли, яко в Римѣ башня есть, вѣсть ваше умышление, но преже над башнею промыслъ учините, и тако и на бой с римляны устремлитесь”.

И се приидоша три рыцари и глаголаша кралямъ: „Аще вы нас учините у собя болшими рядники, мы вамъ послужимъ, башню испортим”. Крали же имъ общашася. Рыцари же просиша у нихъ сроку на три года, и просиша у нихъ пяти бочекъ злата да пяти бочекъ сребра. Они же имъ злато и сребро даша. Вземше же рыцари сребро и злато, и ехаша в Римъ торговымъ обычаемъ, и копаша то сребро и злато нощию тайно по многимъ мѣстамъ. Сотвориша се и ехаша во свою землю.

И егда проиде три годы, рыцари же нарядишася в платье далнихъ странъ и приехаша в Римъ и идоша к цысарю. Цысарь же рече им: „Что вы за челѡвѣцы?” Онѣ же сказашася ему из далнихъ странъ мудрецы, златонаходцы. Цысарь же ихъ у собя пожалова и повелѣ имъ искати злата. Они же наидоша в дву мѣстахъ много злата, еже схорониша, и принесоша к цысарю. Цысарь же ихъ за то пожалова и зва хлѣба ясти, и вдасть имъ злато довольно. Рекоша же они к цысарю: „Милостивый цысарю, есть мѣсто под городомъ, закопанъ полонъ сосудъ”. Цысарь же вдасть имъ людей, они же шедше, и злато выняша и принесоша е к цысарю. Цысарь же вдасть имъ половину того злата и сребра. Рыцари же паки пришедше к цысарю и рекоша ему: „О великий господарю, наидохомъ по

¹ изваяние, идола; ² ожидая, надеясь.

сторонъ града полонъ сосудъ злата, а два — сребра”. И шедше, выняша и принесоша к цысарю. Цысарь же вдасть имъ половину злата и рече: „Еще ищите!”

Наутрие же придоша к цысареву и рекоша ему: „О господарю наю, во снѣ видѣхомъ позади двора твоего сосудъ злата, а два — сребра”, — и шедше, то злато и сребро выкопавше и принесоша к цысарю. Цысарь же вельми ихъ нача жаловати, вдасть имъ половину злата и рече имъ: „Благословен день вашъ, в кий вы приехавше ко мнѣ!”

Они же рѣкоша цысареву: „Милосердный господарю, великий цысарю, по вся нощи видимъ многое множество злата, да не можемъ розсудити вскоре, в коемъ мѣсте стоитъ”.

В третей же день придоша к цысарю и сказаха: „О господарю цысарю, видѣхомъ под башнею, на которой стоятъ образы, неисчетно и несмѣтно много множества злата”. Цысарь же рече имъ: „Не буди мнѣ того, еже испортити башню, которая стоитъ для обороны от нашихъ недруговъ!”

Они же ему рекоша: „Милосердый, великий господарю, аще повелитъ твоя держава, мы возьмемъ богатство ис-под тое башни хитростью, она же нерушима будетъ, выняти же то злато ночью тайно, дабы прочие люди того не вѣдали и никто не видел, намъ бы помѣшки не учинили”. Цысарь же рече имъ: „Добре, дѣйте и промышляйте!”

Они же поидоша и вельми веселишася, занеже¹ уллучиша желаемое, и подкопашася под башню, и поткатиша многие бочки зелья², и корабль пригото-виша, да бѣгутъ восвоися. Егда же бѣ в полунощи, бочки зажгошася, они же побѣжаша, башню же ту изорваша всю, и многие люди поби, и в Риму учинися великая заметня³.

Придоша же к цысарю римляне и рекоша ему: „Милостивый цысарю, чего ради та башня и образы опали?” Он же рече имъ: „Придоша ко мнѣ три мужи нѣкою лестию и сказахася златонаходцы, и наидоша злата много, под тою же башнею сказаха многое множество злата. Аз же повелѣ имъ копати, они же испортиша башню и сами побегоша”.

Римляне же рѣша цысарю: „Мы, о цысарю, и сытость твою и хотение исполнимъ!” И поймавше его, и растопивше злата, и влявша в горло ему, и погребоша его жива».

Сия изглагола, цысарева рече к цысарю: «Разумѣй, о цысарю, аз повѣм ти: стрелъня та приложить ко твоему тѣлу спящему, до ких мѣсть душа в телѣ; лстивые же тѣ златонаходцы — сынъ твой с мудрецы, хотятъ башню подкопати и сиирѣчь твое тѣло болѣзнию растлети, и умъ, и помыслы, аки образы разрушити; егда же ты узрятъ болна и неразумна, тогда прочѣ смерти предадутъ тя. Разумѣши ли, о цысарю?» Цысарь же рече: «Правду глаголеши, заутра вси помрутъ!»

¹ поскольку; ² пороху; ³ мятеж, волнения.

Во утрие же день повелъ цысарь сына своего обѣсити. Ведому же ему на смерть, мнози во слѣдъ его идяху видети кончины его, и вси людие плакахуся его. Слышавше сие мудрецъ, емуже имя Езеуса, борзо прибѣже на конѣ, цысаревичъ же видѣвъ его и поклонися ему, и заплака. Люди еже вси кликнуша велиимъ гласомъ, рекоша: «Доблий¹ мудрецъ, избави ученика своего от смерти!»

Рече имъ мудрецъ: «Не плачитесь, имѣю надежду на Бога и правду господаря моего цысаревича», — и вниде в полату к цысарю и поклонися ему.

Цысарь же, возрѣвъ на нь опално, глагола ему: «Исчезни борзо, зла творителю, ис полаты моя, да не вскоре злѣ умреши. Аз вамъ дахъ в научение сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинистъ его нѣма и безстудна, восхотѣ убо жену мою изнасиловати и ложе мое осквернити!»

Мудрецъ же рече ему: «Нѣма ли его, глаголеши, то есть суд Божий временень, а еже, глаголеши, восхотѣ ложе твое осквернити — сия неправда, и вѣрити сему невозможно. Аще ли убѣеши сына своего для слова жены своя, то же постражеши, якоже случися нѣкогда Поликрасу мудрецу». Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми, како ся учини!» Мудрецъ рече: «Повѣмъ, токмо молю тя, да не умреть нынѣ сынъ твой!» Цысарь же повелъ сына своего отвести в темницу.

Повѣсть 5 мудреца Езеуса о Поликрасе мудреце и о внуке его Галианусе

Мудрецъ же рече: «Слыши убо, о цысарю, бысть нѣкий славный мудрецъ, емуже имя Поликрас, мудростию же и философіею всех мудрецевъ превзыде. Имѣя же у себя в научение внука имянемъ Галиануса, бѣ же Галианус доброго и быстрого разума. Поликрасъ же, видѣвъ его разумна суца, и зависти ради не все ему открываше, Галианус же тайно нѣкако изучися у него всей мудрости и учинися велиимъ любомудрецемъ. Поликрасъ же нача завидовати Галианусу, понеже стал гораздѣе его.

Бѣ же въ ²Югорстей земли² краль нѣкий, имяше сына болна суца. Посла же краль той послы своя к Поликрасу, да пришедь излѣчить сына его. Поликрасъ же от пословъ отговорися и посла в мѣсто свое внука своего Галиануса.

Галианусу же приехавшу во Югры, и воздаде ему краль честь велию, и показа ему сына своего. Галианусъ же рече кралеви, да принесетъ ему три воды — свою и кралевнину, и сына ихъ, и смотря, разсудитъ яже о болѣзни сына ихъ.

Кралева же принесе ему вся три воды, он же видѣвъ воды и рече ей тайно: „Рцы ми, не утай, кто кралевичю отецъ?“

¹ Доблестный, мужественный, храбрый; ^{2—2} Венгрии.

Она же рече ему: „Что мя вопрошаеши еже о отце кралевица и бесчестии ми наводиши? Или не веси, яко отец ему краль, мужь мой? И за сие же бесчестное и поносное слово достоинь еси смертныя казни!”

Галиянусъ же рече ей: „Что ми претиши смертию, правду ми глаголющу? Азь убо приидохъ, да честь получю, а не стятя для главы своея приидохъ. Правду же глаголю, разумѣхъ убо мудростию своею на ваша воды зрящу ми, яко не той есть ему краль отецъ. Аще не повѣси ми истинны, не возмеши сына своего и здрава видѣти!”

Кралева же виде Галиянуса, истинну глаголюща, и рече ему: „О предоблий мудрец, аще возмеши тайну мою сохранити и не исповѣси никому, и азь повѣмъ ти тайну мою”.

Галиянусъ же рече: „Не буди того, еже ми изъявити кому!” — и кляся ей много.

Кралева же рече ему: „Бысть во оно время прииде ко господарю моему кралю греческий краль Бус. Азь же прелстихся на него и пребыхъ с нимъ, и зачахъ от него сего сына моего, и родихъ”.

Галиянусъ же рече: „Правду, госпожа, изглагола ми, се убо сына вашего уздравлю аз”.

С того же времени Галиянус начать кралевица кормить волуимъ мясомъ и поить водою ключевою, и уздрави кралевица. Краль же и кралева, видѣша сына своего здрава, и возрадовашася зело, и Галиянуса велми почтиша и ода-риша. Кралева же наипаче многими дары почти его и отпустиша его с честью.

Галиянусъ же приѣде к Поликрасу, и рече ему Поликрасъ: „Уздравил ли еси сына кралевова?” Он же рече: „Уздравихъ”, — и показа ему дары и рече: „Сие приняхъ почестъ за лекарство свое”.

Поликрасъ же рече: „Какими зельями изврачева его?” Галиянусъ же рече ему: „Давахъ ему мясо ясти воловое и воду пити ключевую. Симъ уздравихъ”. Поликрасъ же рече: „Понеже ты симъ уздравилъ его, се убо мати его чюжеложница, а онъ, кралевиць, родися не от ложеснъ отца своего, но от прелюбодѣяннн матери своея!”

Оттоле же Поликрасъ зависти ради нача искати подобна времени, да убьет Галиянуса. Во едину же от дней идоша во градъ Поликрасъ же и Галиянусъ, и повелѣ Поликрасъ Галиянусу вырвати траву, орудия ради лечебнаго, и Галиянусъ наклонися по траву, Поликрасъ же извлече два ножа и пронзе Галиянуса, и уби до смерти.

По малех же днехъ Поликрасъ впаде в болѣзнь великую зело и не може себѣ уврачевати. Прихождаху же к нему ученицы его, хотяще его излѣчити и не возмогоша. Поликрасъ же рече учеником своим: „Примѣте сосудъ с водою и положите в онъ зелья, и провертите на сосуде сто дир, дабы вода истекла”.

Они же сотвориша тако и провертѣша на сосуде сто дир, и не потече вода, ни едина капля не укану.

Рече же Поликрасъ ученикомъ своимъ: „Зрите, ученицы, се убо грехъ ради моихъ постиже мя судъ Божий, и ярость гнѣва его приде на мя за моя беззакония, во сто диръ — а вода из сосуда не уканеть, ни едина капля. Се уже умираю, аще бы былъ Галиянусъ, могль бы мя излѣчити, нынѣ же его ради прииде на мя гнѣвъ Божий!” И сие рекъ, и обрящеся к стѣнѣ, и умре».

И сия изглаголавъ, мудрец рече цысарю: «Разумѣши ли, о господарю мой цысарю, еже ти изрекохъ? И внима, и не ими вѣры женѣ своей, и не убей сына своего для слова жены своя, да не горши того ты постражеши!»

Цысарь же рече: «Зело разумѣхъ, аще бы Галиянусъ живъ был, не бы Поликрас умер. Нынѣ же сынъ мой да не умреть!»

Цысарева же, услышавъ, что цысаревичъ не умре, начать терзати ризы своя, и кричати велиимъ гласомъ, и плакать неутѣшно.

Цысарь же, услышавъ вопль и рыдание, воставъ, тече борзо к ней и, объемъ, нача ю утѣшити, дабы не кручинилась. Она же рече ему: «Како ми не плакати, отнюдь не могу терпѣти, понеже дочь есми королевская, твоя же жена цысарева! Нынѣ же сынъ твой окаянный понось¹ и укоризну ми нанесе велию, ты же ми обѣщася за срамоту мою убити сына своего, и се лжеши».

Цысарь же рече: «О любимая, не вѣмы, что сотворю! День по дне кручинишися, дабы азъ тебя ради убилъ сына своего, мудрецы вси пекутся о здравии его, азъ же не вѣмъ, чему вѣрити, в кою страну правда есть».

Цысарева же рече ему: «Тогда узриши и воспомянеши словеса моя, егда случитца тобѣ, аки нѣкоторому краю² с моршалком²!»

Цысарь же речей ей: «Повѣжъ ми, дабы азъ какие притчи могъ убити сына своего».

Она же рече ему: «Повѣм ти, но единого молю и прошу у тебя, да вѣрши словесемъ моимъ!»

Притча 6 цысаревы о нѣкоемъ крале и о моржалке, како злата ради приведе жену свою

«Бысть нѣкий краль, зовомый Берцо, недугомъ пухоты одержимъ бяше, и смердящъ бѣ, еже никакова жена не може с нимъ спати и гордыху имъ, понеже не можаху смрада терпѣти.

И помышляше итти к Риму и взяти мощи святыхъ апостол Петра и Павла. И егда бѣ на дорогѣ, на нѣкоемъ мѣсте, и возва к себѣ любимаго си³ моршалка, и рече ему: „Милый брате, добуди ми жену, дабы со мною ночь спала!” Моршалок же рече: „О господарю мой, понѣже болѣзнь твоя вѣдома имъ, и сего ради кушаются⁴ притти к тобѣ”.

¹ оскорбление, поношение; ^{2—2} с придворным; ³ своего; ⁴ гнушаются.

Краль же рече: „Объщайся дати ей тысящу златыхъ!” Моршалок же слыша то, что краль дает много злата, прииде к женѣ своей, бѣ убо лѣпа зело, и рече ей: „Хощеши ли богата быть навѣкъ?” Она же глагола ему: „Кимъ обычаемъ?” Он же рече ей: „Господарь мой, краль, хощетъ жены на сию ношъ, да спит с ним, и хощетъ дати тысящу златых. Ты же, любимая ми, иди к постели его и возми злато сие!”

Рече же ему жена его: „Хотя бы краль и чистъ былъ, и не буди того, еже мнѣ с нимъ спати!”

Моршалок же рече ей: „Аз на том тебѣ крестъ целую, что ничимъ не врежу тебя, токмо сотвори волю мою. Аще ли сего не сотвориши, то аз не начну любити тебя!” Она же рече: „Иду”.

И возьмъ ея, приведе ко кралю и рече ему: „Повели дати злато, еже обѣщался еси, и отпусти ея борзо!” Краль же повелѣ ему дати злато и ляже с нею. И егда ночь мимо иде, при утрии, прииде моршалокъ и рече ко кралеви: „Отпусти жену сию, понеже свѣтъ близъ есть, да не зрятъ ея люди, но осрамотиши ея!”

Краль же рече ему: „Еще убо рано, отиди от мене!” Моршалок же рече ему: „Отпусти, молю ти ся, понеже моя есть жена!” Краль же, приемъ свѣщу, слышавъ сие, и нача ея смотрити, и узна ея, что его жена, понеже бо и преди того видѣвъ ю, и рече моршалку: „О проклятый челоуѣче, что сотвори тысящи ради златников, осрамоти жену свою! Нынѣ же скоро буди от королевѣства моего бѣжа, да не злѣ умреши!” Моршалок же побѣже от королевѣства его.

Краль же прииде и обѣступи Римъ, и приступиша к нему зело, убо восхотѣша римляне ему выдати мощи святыхъ апостолъ Петра и Павла.

Бяху же в то время в Римѣ седмъ мудрецевъ, как и ты у себя имѣшъ. Приидоша же к нимъ римляне и начаша бити челоуѣ, дабы онѣ премудростию своею избавили Римъ. Мудрецы же рѣша имъ: „Мы можемъ избавити Римъ, по днемъ кииждо насъ на день избавляет”.

Выиде же из града первой мудрецъ и нача премудростию своею ко кралю глаголати, дондеже король не возможе противитися и отвѣту дати словесемъ его. Потом же к нему вси выходиша единъ по едину по дне, изглаголаху ему от премудрости своея, дабы отшелъ от Рима. Седмый же мудрецъ учини мудростию своею — облечеса в платье пернатое всякихъ птицъ перей, и взя в руки два меча нагихъ, изыде на высокую стрелню. Егда же краль узрѣ, его, ужасеса и рече ко своему войску: „Видите, еже дивный челоуѣкъ прилѣте и ста на стрелне!” Они же рѣша ему: „О великий господарю, Богъ ихъ християнъской, услышавъ молитву ихъ, и посла к нимъ аггела своего, да поможетъ имъ. Аще ли учнемъ мѣшкати и не побѣжимъ от града, то вся побѣетъ ны, и не останетъ ни единъ от насъ”.

Король же, слышавъ се, и побѣже от града с войскомъ своимъ, римляне же гнашася за нимъ и побиша войско его много».

Сия же рече, изглаголавъ, цысарева рече цысарю: «Разумѣй, яже ти глаголю, о цысарю! Моршалокъ жену свою потеря и высланъ есть из государства — се сынъ твой хоцетъ тя убити, а самъ кралевати; а еже краль к Риму приступавъ, мудрецы сего устрашиша, и побѣже, войско свое потеря, сиче ты от них постражеси и убить будеси; но аще хоцеси в покое жити, вышли сына своего из земли своя за срамоту мою».

Цысарь же рече ей: «Правду ми глаголеши, заутра сынъ мой да умретъ!» Во утрие же повелъ сына своего казнити.

Ведому же ему на уреченное мѣсто, и слышавши вси людие плакахуся, мудрецъ же, емуже имя Клеофаса, забежа на конѣ напредь. Видѣвъ же его, цысаревичъ заплака и поклонися ему, слова ни единого не возможе изрещи ему, и вси людие кликнуша гласом велиимъ, рекоша: «О преизящный мудрецъ, иди борзо и умоли цысаря, избави ученика своего от смерти!» Мудрецъ же рече имъ: «Не плачитесь, имѣю надежу на Бога и чаю, избавлю его от смерти». И ѣде борзо к дому цысареву, и вниде в полату, и поклонися ему. Цысарь же возрѣвъ на нь и рече ему: «Изыди, злодѣю, борзо ис полаты моя! Дах азъ вам в научение сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, восхотѣ убо жену мою изнасилувати, ложе мое осквернити. Нынѣ же сей да умретъ, послѣди же и вы всѣ да умрете!»

Мудрецъ же глагола: «Еже сынъ твой не глаголет, то есть судомъ Божиимъ, понеже нѣкую мудрость в собѣ видить, ащели нынѣ не убьеша его, и по двю дни услышиши его глаголюща; а еже глаголеши, хотехъ жену твою изнасилувати, то имеша вѣры ложному оговору жены своя, чему и зстатися нелзе. Аще ли же его убьеша, случится тобѣ горшае того, якоже нѣкому рыцарю от жены своя, понеже вѣри слову ея, бѣ убо питанъ и жженъ огнемъ, и розорванъ конми, и потом повѣшенъ и з женою своею». Цысарь же рече ему: «Бога ради, повѣждь», — и повелъ сына своего отвести в темницу.

Притча 6 мудреца о трехъ рыцарехъ и о старомъ рыцаре,
и о женѣ его, что онъ убилъ трехъ рыцарей

Мудрецъ же рече: «Слыши убо, о великий господарю, цысарю. Бысть убо в Римѣ у нѣкоего древле цысаря три рыцари, четвертый же рыцарь бѣ старъ, имѣ у себя жену вельми красну. Горазда же жена его пѣсней пѣти. Тѣм же своимъ воспѣваньемъ многихъ людей привеле к дому своему, и вся люди дивяшася воспеванью и красотѣ ея.

Прилучи же ся нѣкогда сѣдѣшу ей в полатѣ своей у окна по обычаю, и воспѣваша пѣсни, смотря на улицу. В то же время с цысарева двора шедшу рыцарю, и узрѣвъ ю, нача смотрѣти красоты лица ея, и возгорися любохотѣнием, прииде к ней, нача ей глаголати о любви, дабы была с нимъ. Она же просящи ты-

сящи златыхъ, он же обѣщался ей дати, и повелѣ она ему быти на первом часу ноши. Он же, обѣем, поцелова ю и иде от нея.

По нем же приеде к ней второй рыцарь и глагола ей о любви. Она же просящи у него тысящу златыхъ, он же обѣщася ей дати, и повелѣ ему быти к собѣ в полунощи. Он же поцеловал ея, иде от нея.

Потом же приде к ней третий рыцарь, то же рече ей, и обѣщася дати ей тысящу златыхъ, и поцеловал ея, иде от нея. Она же повелѣ ему быти в куроглашение¹.

Между же собою рыцарие другъ про друга сего не вѣдаша.

Она же, шед к мужу своему, рыцарю, рече ему: „Хощу ти всю тайну свою повѣдати, токмо учини по моему совѣту, и много найдеши злата, и богатъ будеши вовѣки”. Он же рече ей: „Азъ бых радъ, да что сотворю?” Она же рече ему: „Придоша ко мнѣ три рыцарие — единъ по единому, и глаголаша со мною о любви, и обѣщалися ми дати по тысящи златыхъ”. Он же рече ей: „Сотвори мудрость, а яже тебѣ любо, а мнѣ годно же”. Она же рече ему: „Аз убо велѣхъ имъ к себѣ быти, и стани за дверью с мечемъ, и кий поидеть ко мнѣ, ты же убей его. Они же будутъ единъ по единому по времени”. Рыцарь же, мужъ ея, рече ей: „О жено, боюся, егда како люди увѣдятъ, нам же злою смертию умрети будетъ”.

Она же рече ему: „Страшливе, не боися, токмо твори повелѣнное мною”, — и посла по рыцаря. Рыцарь же приде к ней и злато принесе с собою, и хоте с нею пребыти, мужъ же ея отсече ему главу. Тако и другимъ двумъ рыцаремъ такоже главы отсече.

Потом же рече рыцарь женѣ своей: „О любезная, уже мы такъ сотворихомъ, притчею² у нас ихъ вымутъ — намъ погибнути”. Жена же его рече ему: „Есть убо у меня братъ, аз же умолю его, онъ ихъ спрячет”, — и повелѣ к себѣ брату быти. Братъ же ея приде, она же сказа ему, что муж ея уби рыцаря, самъ пьянь спит, и моли его, дабы схоронилъ и положи его в мѣхъ.

Вечеру убо приспѣвшу, он же возьметъ его и отнесе в море, в воду, и паки приде к сестрѣ своей и нача от нея просити, дабы ему дала добраго вина пити. Она же иде положи другово рыцаря в мѣхъ и, облия водою и возьметъ скляницу, иде и бутто запыся, и возвалися, и воскрича, и скляницу пролия. Брат же ея приде к ней и подня ея, она же рече ему: „О бѣда ми, опять мертвый прииде!” Брат же ея, ево возьметъ, и отнесе вверже в воду, и паки прииде к сестрѣ, и прося у нее вина пити. И сестра же его в то время приготова третьево рыцаря, положи в мѣхъ, иде взя вино и паки зацепися, и повалися, и воскрича гласомъ. Братъ же ея приде к ней, подня ю, она же рече ему: „О беда ми, братец, паки мертвый прибѣже и лежит в мешке, о бѣда ми, како ми его избыти?” Братъ же ея возьметъ его, несе за градъ и скину его на огонь, самъ поиде на страну. Аже в тѣ поры приѣде

¹ первое пение петухов; ² случайно, если случится, что.

ко огню рыцарь из далнихъ странъ и нача у огня грѣтися. Он же, пришед, уби его да и того кину в огонь и с конемъ сожъже его, и прииде к сестрѣ своей и сказа ей. Сестра же его рече ему: „Убил убо еси неповиннаго”, — и нача его поити вином до его воли.

Той же старый рыцарь, мужъ ея, сотвори пирь. На пиру же своемъ зашибѣ жену свою по уху, она же на него разгнѣвася и рече предъ всѣми людми: „О злый старче, или ты меня также хошеши убити, какъ еси убил трехъ рыцарей цысарьскихъ?”

Людие же слышавше и повѣдаша о семъ цысарю. Цысарь же повелѣ ихъ предъ себя привести и воспраша же жены его. Она же сказа ему все по ряду, цысарь же повелѣ ихъ обѣихъ обѣсити, трупъ же ихъ повелѣ лошадами расторгати и останки огнемъ сожещи».

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Разумѣши ли сия, о цысарю?» Цысарь же рече: «Проклята та буди жена, что на мужа своего сказа!»

Мудрецъ же рече ему: «Горѣ тебѣ того збудетца, что жена тебя научаетъ на убиение смерти сына твоего».

Цысарь же рече ему: «Правду убо глаголеши ми. Нынѣ же сынъ мой да не умретъ!»

Егда же слыша цысарева, что сынъ цысаревъ еще не умрет, и прииде к цысарю и глагола ему: «О бѣда ми, хошу убо с срамоты сама себѣ убити, неже жити в такой срамоте. Вижу убо аз и сама, что конецъ мнѣ, моя срамота такоже и твоя, но разумѣй, о цысарю, что и тебѣ учинитца, како учинися нѣкоему кралю от рыцаря!»

Цысарь же рече ей: «О всекладкая ми, молю тя, повѣждь ми».

Притча 7 королевъ о нѣкоемъ короле,
какъ у него увезе рыцарь королеву,
краль же ю отда ему самъ и пирова с нею

Цысарева же рече ему: «Слыши убо, о преславный господарю мой, цысарю. Бысть нѣкий краль, имѣя у себя жену велми красну, и замыка еѣ в высоке тереме каменнѣ, ключи же у себя ношаше, она же о томъ зело бысть во унынии великомъ.

Бѣ же нѣкоторый славный храбрый рыцарь в далнѣй странѣ, иногo господарства во области, виде про ту королеву сонъ, она же встрѣчно про него виде, кабы они на единой ложи спаху.

Той же рыцарь поѣде еѣ достигати, приѣде в господарство крала того и виде королеву, в теремѣ сидящу. Королева же узрѣ его и позна по сну своему, и сказа же о нѣмъ краю, что приѣде к нему служить славный и храбрый рыцарь. Король же призва его и нача велми жаловати, и повелѣ ему дворъ поста-

вити близ терема, идеже бяше кралева. Он же прикорми к себѣ мастера хитра и власть ему злато довольно, и повелѣ ему здѣлати входъ под той теремъ, а из двора своего выход в море. Егда же ему мастеръ здѣла то, он же кину мастера в море, и входомъ прииде в терем ко краleve.

Кралева же рече ему: „Како ты сѣмо прииде ко мнѣ?” Он же рече ей: „Любовь твоя приведе мя к тебѣ”, — и нача ей много глаголати о любви. Она же рече ему: „Не дай того Богъ, что ми с тобою сотворити”. Он же возьмѣ мечъ и рече ей: „Аще не сотвориши воля моя, скоро смертию да умреши!” Она же бояся и сотвори волю его, и спа с нимъ. Он же, пребыв с нею и облобызав ю, иде в домъ свой.

Оттоле же краleve рыцарь зело мил бысть, и любил его велми. Власть же ему перстень свой, егоже король любяше зело и смотряше его у нея на руке на всяк день. Во едину же от дней случися, изыде король на ловъ тѣшитися и обначева, бывшу же и рыцарю с нимъ. Упившу же ся ему у краля, и забы у себе перстень он на руке, и протяну руку для картныхъ игры, король же узрѣ у него на руке перстень и позна его, и не изрече ему ничего. Рыцарь же догадався и положи на себя болѣзнь, и отпросися от краля. Король же отпусти его, он же приѣде в домъ свой, иде в терем ко краleve и отдал ей перстень, и сказа ей, что король опозна его. Пришедшу же кралю ко краleve, и воспроси у нея перстня оного, она же рече ему: „О милый, пресвѣтлый господарю мой, на что тебѣ перстень той?” Король же съ яростию рече ей: „Аще его не увижу в сий час, то будеша казнена смертию!” Она же возьмѣ ларецъ свой и высыпала перстни, и даде той перстень кралю. Король же виде перстень и рече ей: „Виноват азъ пред тобою, видех убо перстень таков у рыцаря на руке”. Она же рече ему: „Милостивый, великий господарю, кралю, ¹человекъ убо живеть в человека, а платно в платно!” Король же поцелова ея и рече ей: „Милая кралева, прости мя, винень есми пред тобою”. И изыде от нея.

По нѣких же днехъ прииде рыцарь ко кралю глагола ему: „О великий господарю мой, кралю, приѣде бо в твое господарство любовница моя, свѣдав мя, нынѣ же прошу милости у тебя, дабы еси пожаловалъ холопа своего, ѣлъ хлѣба у меня”. Король же рекся у него хлѣба ясти. Рыцарь же шед, нача готовитися, и иде ко краleve, и глагола ей: „Се убо кралю твоему у меня хлѣба ясти, нынѣ же ты облекися в наше платье далние земли и приди ко кралю, егда будетъ за столом”.

Егда же убо кралю приѣхавшу и сѣдшу за столомъ, и се кралева выиде ис комнаты, король же рече к рысарю: „Исполаети², что союзницу имѣешь у себя добру, подобну моей кралевѣ!” И повелѣ ей король сѣсти возлѣ себя, и нача на нѣе смотрѣти прилѣжно. Она же бяше челомъ королю, глаголя: „О великий господарю, добро тобѣ, господарь, у господаря моего рыцаря ясти и

¹—1 человеку свойственно человеческое, а плоти — плотское; ² Хвала тебе.

пити!” Король же услыша гласъ ея и нача в себѣ мыслити, глаголя в себѣ: „Мню, яко всяко, некако рыцарь теремъ кралевы моея подкопа”, — и, не доседевъ стола, поедѣ к себѣ. Рыцарь же ея вземъ и отведе борзо в терем, она же платье с себя сложи и облечеса паки в свое платье, и ляже на ложи своемъ спати. Кралю же борзо пришедшу, и виде ю спящу, и глагола кралеве: „Винен есмь в другое пред тобою!”

Она же вопрошаше его: „Что твое прегрѣшенъ?” Он же рече ей: „Объда убо у рыцаря и видехъ его любовницу, подобну тебѣ во всемъ — образом и гласомъ!”

Она же рече ему: „Не рѣх ли ти вчера, что человекъ в человека живетъ, а мнѣ убо птицею ли летати?”

И по днехъ паки приде рыцарь ко кралю и глагола ему: „Милостивый господарю, кралю, хошу на своей любовнице жениться, ты же, господарь, меня, холопа своего, пожалуй, буди у меня во отца мѣсто!” Король же ему обѣщася, рыцарь же нача готовитися.

Пришедшу убо дне свадбѣ, король ста у церкви, а попъ в ризах. Рыцарь же прииде с своею любовницею, и вземъ король ея за руку и рече ей: „О прекрасная, подобна добротою моей кралевы, нынѣ же идеши за моего дворового рыцаря!” И взя у них руки, и отдасть ея рыцарю, поп же примѣ вѣнча ихъ.

Послѣ же вѣнчания нача бити челомъ рыцарь кралю, дабы его отпустил с нею в свою землю. Корабль же бѣ у него готовъ. Король же провожаше его до карабля с своими паны и рыцари, и многие люди идоша за ним до его карабля.

Взыде же рыцарь на карабль и нача бити челом кралю, дабы взошел на карабль и научилъ бы свою дочь любити его. Король же взыде на карабль, а рыцарь повелѣ парусы готовити, и глагола королю: „Милостивый господарю, королю, уже тобѣ насъ время отпущати”. Король же с карабля сниде, а рыцарь парусы подня и побеже по морю въ свою землю.

Король же прииде во градъ свой, и вниде в терем, и не нашел своея кралевы, и ходил около терема, и нашел входъ здѣланъ под лѣсницу. А из-под лѣсницы здѣланъ в рыцаревъ двор, и нача болѣзнию сердца глаголати: „Что мнѣ рыцарь сотвори за мое великое жалованье, увезе у меня жену мою, аз убо самъ ума иступих, что вѣрихъ рыцаревымъ речемъ, а своимъ очемъ не вѣрихъ!”»

И глагола цысарева: «Разумѣши ли, о цысарю, еже ти сказах?» Он же рече: «Разумѣхъ, что онъ не вѣрилъ своимъ очем. Утре сынъ мой умреть!» Во утрие же повелѣ его обѣсити.

Ведому же ему х казни, и услышаша людие, и начаша плакати зело. Мудрец же именем Химъ забежа на конѣ напредѣ. Видев же его рыцаревич, и поклонися ему, и заплака. И воскричаша вси людие велиемъ гласомъ: «О презищенный мудрецъ, умоли рыцаря, избави своего ученика от смерти!»

Мудрецъ же рече: «Не плачитесь, имѣю надежду на Бога и на правду господаря своего, цысаревича», — и борзо вниде в полату цысареву, и поклони-

ся цысарю. Рече же ему цысарь: «Скоро выиди, злодѣю, ис полаты моя! Дахъ убо аз вам сына своего доброго и говорливого, нынѣ же учинистѣ его нѣма и безъстудна, восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же онѣ злою смертию да умреть, послѣди же и вы с нимѣ обще умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «О великийъ господарю, что глаголеши, еже сынѣ твой нѣмъ, то есть судом Божиим, а еже глаголеши, что жену твою хотѣ изнасилувати, то есть неправда, тому и вѣрити нелзѣ. Аще ли убьеша его, и тобѣ горшае того будетѣ, что нѣкоему рыцарю, егда умре единыя ради капли крови жены своя». Рыцарь же рече ему: «Повѣждь ми притчу сию».

Мудрецъ же рече ему: «Вели сына своего отвести в темницу». Цысарь же повелѣ сына своего в темницу отвести.

Притча 7 мудреца Ахима о нѣкоемъ рыцаре и о женѣ его

Мудрецъ же восприимъ и рече: «Слыши убо, превеликийъ господарю мой, цысарю, бысть нѣкийъ рыцарь, имѣя у себя жену чюдну и любляше ея паче живота своего, и без нея не може ни единого часа быти. Рыцарь же той держа у себя ножъ в руках и чисти ногти, и жена же его играше с нимѣ костию и обреза у себя у руки палець. И видев же рыцарь кровь на руке у жены своя, и закручинися от жалости вельми, и в жалости и в печали ударися о землю и умре. И тужаше по немѣ вси людие всего града, что умре любве ради жены своя.

Жена же его зелне по нем плакася и глаголаше: „Уподоблюся отселѣ горлице и стану жити у гроба мужа своего“. И погребоша его честно, она же сотвори собѣ комору и нача жити у могилы его.

В том же кралевѣствѣ обычай бяше таковъ: казнѣ бяше у нихъ едина, егда какова вора осудятъ на смерть, и его повѣсятъ, и стрегутъ его дни многи. Стражу же ту повелѣваху стрещи торговымъ людемъ, торговые же люди наимуютъ рыцарей, егда с шибалицы кого украдутъ, за чьею сторожею, и в украденого мѣсто того самого повѣсятъ.

Во един же от дней повѣсиша нѣкоего злодѣя, и наняся рыцарь нѣкийъ того злодѣя стрещи, и бѣ же в то время стужа велия зело. Он же увиде огонь в той коморѣ, гдѣ же жена у мужа своего рыцарева гроба живяше, и приѣде к ней, и нача проситися, дабы пустила его согрѣтися, понеже зелне озябе. И глаголаше к ней: „Аще ли не пустиши мя, и се уже от мраза умираю“. Она же рече ему: „Пустила бы тебя, да боюся, либо невѣжливое слово какое молвишь“. Он же нача божитися и глаголати: „Вѣмъ аз, что ты святая жена, любве ради мужа своего животъ свой пременила“.

Она же пусти его, и огрѣяся, и нача глаголати: „О госпожа, нѣчто тебѣ хочу молвити, да не смѣю дерзнути твоя ради кручины“.

Она же рече ему: „Глаголи”. Рече же рыцарь: „О госпоже, то есть чудная повѣсть, лутчи было жити тобѣ в дому своемъ и, елико мочно, ино бы милостыня роздати нищимъ”.

Она же рече ему: „Аще бы азъ вѣдахъ, еже тебѣ се глаголати, и азъ бы тебя не пустила”.

Рыцарь же поѣде от нея и нача мыслити, како еѣ искусити и солгати еше, и рече к себѣ: „Иду к ней, реку, бутто моего злодѣя обѣшенного украли, что ми она изречеть?”

И ѣде к ней и, приѣхавъ, нача у дому толкаться, и рече: „Молю ти ся, госпоже, пусти мя для Бога, хощу тебѣ всю тайну изъяснити!”

Она же пусти его, и рече ей рыцарь: „О милосердная госпоже, прошу у тебя думы, злодѣя моего с виселицы без меня украли, а уставъ градцкый сама вѣдаешъ, что въ его мѣсто меня самого повѣсятъ. Ты же, о госпоже, Бога ради, помози ми, какъ избыти сия бѣды!”

Она же рече ему: „Брате, жаль тебя, что еси главу свою потерялъ, аше ли здѣлаешъ по моему совѣту, и ты избудеши смерти, не потеряешъ живота своего”.

Он же рече: „О любимая, все сотворю по твоему велѣнию!” Она же рече ему: „Аще ли поимешъ меня в жену себѣ?” Он же рече: „Азъ зело радъ тому видети такову твою ласку к себѣ, что мене, убогого рыцаря, хоцещи имѣти в мужа”.

Она же рече ему: „Ничим тебя избавити могу, токмо своимъ мужемъ, ты же убо его возми повѣси в мѣсто злодѣя”. И ста копать, и взяша мертваго из гроба.

Рыцарь же рече: „У того злодѣя были раны, глаза оба выколоты да зубы выбиты, любо его осматрять”.

Она же рече ему: „Возми камень да выбей зубы”. Он же рече: „Да мне не подобает у мертвого того дѣлати”. Она же взяла камень и выби у него зубы, и глаза выколупа, и рече ему: „Возми и повѣси в мѣсто злодѣя”. Рыцарь же рече ей: „Еще того боюся, тот злодей имѣлъ у себя три раны на главе сабельных да срамный уд вырезанъ”. Она же рече ему: „Возми саблю да сѣки и срамный уд у него вырежи”. Он же рече ей: „Не подобаетъ намъ, рыцаремъ, дѣлати того!”

Она же рече: „Не видахъ убо такова тороплива¹, каковъ ты”, — и взяла мечъ, и нача сещи мертваго мужа своего, и срамный удъ у него выреза, и рече ему: „Иди и повѣси его в мѣсто злодѣя!”

Он же взяла его и отнесе до его родителей. Наутрие же пришедше приятели и яша ю, и гробъ раскопавше, и не обретше мертваго, и изведше, и казниша ю».

---

¹ пугливого.

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Разумѣши ли, о господарю, цысарю, еже ти изрекохъ?» Он же рече: «О такове есми злѣ жене не слышахъ», — и паки рече: «О любезный ми мудрецъ, аще бы услышахъ сына своего глаголюща, зело убо быхъ возрадовался!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий господарю, заутра сына своего услышиши глаголюща с собою и собесѣдующа».

По сем же мудрецы вся соидошася на едино мѣсто и начаша думати о приезде цысаревича ко отцу, и воспросиша его, уже ли можетъ со отцемъ глаголати и собесѣдовати. Он же рече имъ: «Приде убо и приспе часъ, да вся возможно будутъ».

По сем же мудрецы облекоша его во многоценныя порты¹ и начаша строити путь его и учрежати чины пред нимъ, убо поѣхаша два мудреца, а за нимъ три мудреца, обе же полы странъ — два мудреца. И повелѣша в трубы трубити и в тимпаны бити, и в ыные во многоразличныя игры играти, и поѣхаша к цысарю с великимъ веселиемъ. Людие же все слышаше и видеша, и дивишася, и с веселием и с радостию премногою идяху вослѣдъ его з женами и з дѣтми, и бѣ видѣти изрядно.

Во утрие же день услыша цысарь различное веселие, много различныхъ игръ ликования, и рече своим: «Си что еже такое веселие и игры?» Они же рѣша ему: «Сего ли не вѣси, господарю, еже сынъ твой к тебѣ грядетъ, хошетъ к тебѣ пред всѣми паны рады твоя глаголати и собесѣдовати тебѣ!»

Вшедшу же Диоклитияну в полату, рече отцу своему: «Много лѣта, о преславный, превеликий, пресвѣтлый господарю мой драгий отче, яснейши цысарю!» Сия же слышавъ, отецъ от радости не возможе стояти, на землю уклонися, егда же воста, сын его учал многие рѣчи говорити, да невозможно было у него слышати много множества рады людей. Цысарь же повелѣ за полатою злато сыпати да обратятся людие на злато, потом же повелѣ имъ претити смертию да умолкнуть. Бывшу же молчанию, рече же Диоклитиянъ отцу своему: «О пресвѣтлый господарю мой отче яснѣйши и цысарю, молю тя, господаря моего, и прошу у тебя, повели убо притти к себѣ матери моей, а своей семье, со всѣми паньями, да не останетца ни едина».

Цысарь же повелѣ цысареве приити, и приде кручиновата и сяде подле цысаря. Диоклитиян, возрѣвъ на едину от девъ, и рече отцу своему, показуя перстомъ: «Зри, отче, сия убо дѣва прекрасна и доброродна есть». Цысарь же рече: «Тако, сыну». Диоклитиян же паки рече ко отцу: «Слыши, отче, и смотри правды матери моей, азъ убо ради ея седмью был у виселицы. Нынѣ же повели с тое дѣвы платье снять, и узриши, какие девицы она у себя держитъ».

Цысарь же рече: «Срамно, сыну, и поносно², еже дѣва обнажити». Диоклитиян же рече: «Не дѣва убо, отче, есть, но отрокъ». Цысарь же, слышавъ, по-

¹ одежды; ² оскорбительно.

велъ с неѣ платье снять, егда же ея розболокоша, и се обретесе юноша, а не дѣва, естество имѣя мужьское велие зело, имже мачесе его возжеление плотское, разжение похотное утоляше и любоблудное хотѣние услажаше.

И рече Диоклитиянъ: «Видиши ли, отче, егоже твоя цысарева, а моя мачеха, паче тебѣ любляше и любодѣйство с нимъ творяще».

Цысарь же, видевъ сие, еже сынъ ему истинну изъяви, и зело възъярися, еже и зрѣнию во очесехъ его пременитися, и повелѣ ея и съ юношею казнити.

Диоклитиян же рече: «Пожди, отче, доколе ся мы с нею оправдаем!»

Цысарь же рече: «О любезный сыну, что убо требовати коего обличения болши того, нѣсть убо премудра в чловѣцех, подобна тебѣ!»

Диоклитиян же рече: «Отче, егда мя приведе мати моя к собѣ в комнату, и посади мя на постели, и нача ми глаголати о грѣшномъ дѣле, аз же на то не произволихъ. Она же, видевъ мя на еѣ хотение не уклонна, и своими руками ободра на собѣ платье, и лице сие окровави, и искуса себя зубомъ».

Слышав же сие цысарь, и нача на неѣ аки лев взирати, и рече к ней: «О проклятая и блядемъ приплетеная, еще убо тебѣ было мало блудодѣйства с симъ любодѣицею, хотела еси сына моего привести к такому скверному дѣлу!»

Цысарева же, увидевъ свой грѣхъ и обличение, и паде цысарю и Диоклитияну на нозѣ, плача и прося милости.

Цысарь же речей ей: «Подобна¹ еси тремъ смертемъ, а не одной. Первое — ложе мое оскверни, чюжеложество сотвори. Второе — сына ж моего хотѣ привести к скверному беззаконию. Третье — хотѣ сына моего ложными словесы и притчами смерти предати. Таковое тебѣ милосердие от меня будетъ!»

Диоклитиян же рече: «Добро есть, милостивый отче, азъ быхъ ея милосердиемъ по всякой день веденъ на смерть, да Богъ ми дастъ мудрецевъ, еже мя избавляху от смерти. Ты же мя хотѣ по еѣ ложному речению казнити, а мнѣ бы за моя грѣхи такъ ся и учинило, какъ оному рыцарю, еже вкину сына своего в море, той же сынъ отца своего и матеръ имѣ в великой чести и радости».

Цысарь же рече: «О любезный мой сыну Диоклитияне, благословенъ день той и часъ, дондеже ты зачаса и дондеже родися, нынѣ же молю тя, повѣждь ми сию повѣсть!»

Повѣсть Диоклитияна о дву слугахъ цысарскихъ и о Александре и о Лодвике

Диоклитиян же нача глаголати: «Слыши, предрагий мой отче, бысть нѣкий рыцарь, имѣ у себя единого сына именемъ Александра, и даде его нѣкому мудрецу в научение, и бѣ во училище седмь лѣтъ и извыче великой дивной премудрости.

¹ достойна.

Рыцарь же той писа ко оному мудрецу, мастеру его, листъ¹, да послеть сына его к нему, и посла его. Егда же приѣде ко отцу, и нача его отец любить.

Бысть же единого часу отцу его сѣдящу за столомъ з женою своею, сын же его стояше пред нимъ. Бысть же у того рыцаря соловей сѣдѣше в клѣтке, в окнѣ, и нача соловей воспевати красно, рыцарь же рече: „Такова воспеванья у соловья не слыхалъ!”

Сын же его рече: „Отче мой милый, аз убо сие разумѣю, еже соловѣй воспеваетъ и вѣмъ, сказати да не смѣю ради васъ”. Отець же его рече ему: „Повѣждь ми, сыну, безъ всякого сумнѣния!” Александръ же нача сказывати: „Соловей убо воспѣваетъ о мнѣ, что есть богатыхъ людей, то все меня будутъ чтити, а ты, отецъ, на руки мнѣ будешь воду готовити, а мати моя учнетъ мнѣ полотенце держати, придет убо таково время”.

Взем же отецъ сына своего Александра и вкину в море. И приплы онъ до нѣкоего острова, аже мимо той островъ бежит корабль, корабленицы же взяша его на корабль и продаша его в далные страны нѣкому князю.

Король же тоя области приказа паномъ рады своя, повелѣ имъ всѣмъ съѣхатись в думу, и съехашася. Король же нача имъ глаголати: „Прилѣтають убо ко мнѣ три вороны и кричат, и убиваютця о мене, не дадоху ми к церкви итти, мнѣ же от них велия доука и сумнѣнье, понеже не могу сего разсудить. Аще хто отгонеть ихъ кричание и бесѣду ихъ мнѣ скажетъ, учиню его у себя болшимъ человекомъ да и дочь свою едиnorodную дам за него, и после мене будеть сидети на моемъ кралевѣствѣ”.

И тут ему ни кто отвѣту не даяше. Князь же той, господин Александровъ, бѣ ту же в думѣ, приѣде князь той во свой домъ кручиновать, и рече ему Александръ: „О господарю мой, чего ради скорбиши?” Князь же глагола ему: „Прилѣтаху ко кралю три вороны и обвивахуся об него, не дадоху ему проступить. Мы же убо не возможемъ такова челоука сыскать, хто бы вѣдалъ ихъ бесѣду и речение ихъ, за него же бы господарь наш король вдалъ и дочь едиnorodную в жену”.

Александръ же слышавъ сия, и иде ко кралю, и рече ему: „О превеликий господарю мой, азъ бо повѣмъ ти вороновъ реченье еже к тебѣ, толко даждь ми, еже обѣщася”. Король же рече: „Еже обѣщася, дамъ нѣизменне!”

Еще же имъ глаголющимъ, и се прилѣтѣша три вороны, и начаша кричати, аки нѣкую жалобу испущаху ко кралю. Александръ же рече: „Слыши убо, о господарю мой, прилѣтѣша к тебѣ три вороны. Един — отецъ, вторая — мати, третие убо — сынъ ихъ. Муж з женою о сыне между собою спирахуся, а просятъ у тебя розсуждения, дабы ты ихъ розсудилъ, хто имѣетъ молодымъ ворономъ владѣти, понеже отецъ его добыл и кормилъ, а мати родила, по роженнии муку велику претерпѣла, да его, сына своего, покинула, а не кормила”.

¹ письмо.

Король же выставя окончину, и рече к нимъ: „Слышите убо, враны! По-неже ты, мати, его покинула, то и веселие свое изгубила, а отецъ голодь имѣль, а сына своего кормиль, и воронетку жити со отцомъ, а не с матерью”, — и отрече им судъ свой королевской. Слышавше же враны королевское судное отречение, и воскричаше вельми, и полетѣша прочь, и потом ихъ не видѣша в томъ королевствѣ.

Краль же рече Александру: „Како убо есть имя твое?” Он же рече ему: „Имя ми есть Александръ”. Краль же рече: „О чадо, отнынѣ тобѣ приказываю, иного никого отцемъ не зови, кроме меня! Дам же тебѣ и дочь свою единочадну в жену, и по моей смерти кралемъ будеши во Египте”. И приказа всѣмъ людемъ Александра звати своимъ сыномъ.

И живе Александръ много лѣтъ, и у краля, и у всѣхъ людей бѣ честенъ, и нача быти славенъ рыцарь, и уристание многое творяше, и не бѣ такова рыцаря, кий бы со Александромъ бился или кто с нимъ мудростию зговориль.

По днехъ же нѣкихъ прииде Александръ ко кралю и рече ему: „О все-свѣтлый господарю мой, слышу убо о нѣкоемъ цысаре именемъ Цылеусе, еже всехъ кралей всего свѣта мудростию и разумомъ превзыде. Сего ради во всемъ свѣте слава его слышитца, иже хто хоцетъ добрыхъ обычаевъ у него научитца и великие, и добрые, и красныя службы извыкнетъ, и злата и серебра, и каменія драгаго много у него можетъ нажити. Ныне же, о господарю мой, молю тя, да повелитъ твоя держава мнѣ ѣхати к нему служити, да еще быхъ у него мудрости навикъ”.

Король же рече ему: „Буди, чадо, на твоей воли! Емли с собою злата и сребра, елико хоцеша, да тамо с честью поживеши, заклинаю же тя, да не замедлиши там, буди ко мнѣ и поимеши дѣщерь мою”.

Александръ же рече ему: „О великий господарю мой, пожди мало, егда ся возвращу, тогда дѣщерь твою с великою честью поиму!” И поклонися кралю, иде и, собрався со учреждениемъ, поеде.

Доехавшу же ему града оного, идеже цысарь онъ живяше, и нача толкати во врата градныя, повѣдаша же о немъ цысарю. Цысарь же повелѣ его во град пустити. Александръ же поѣде к цысарьскому двору людно и чесно, бѣ видѣти учреждение его изрядное. Егда же прииде к цысарю, поклонися ему, якоже обычай есть царемъ челомъ ударити. Цысарю же воставшу с мѣста, и приемъ, и облобыза его, и рече ему: „Милый сыну, которое земли, и чего ради ко мнѣ ездиси?”

Александръ же рече ему: „Сынъ есми государя краля Египетцково, приехал же послужити твоему величеству, слышавъ твою ласку и жалованье”.

Цысарь же его пожалова, и повелѣ ему у себя быть в кравчихъ,* и оттоле моршалкомъ назва его для своего обычая и двора. Александръ же таковъ бѣ мудрецъ, иже ото всехъ любимъ.

По нем же прииде борзо сынъ короля Израительсково именемъ Лодвикъ цысарю служити.

Цысарь же его с честью принял и спросил имени его, и родства, и кия земля. Он же рече ему: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же вашъ”. Цысарь же рече: „Александра убо учиних у себя *кравчимъ*, ты же буди у меня *чашникъ*”,* — и даде ему дворъ со Александромъ.

Бяху же Александръ и Лодвикъ лицомъ и возрастом, и власы, и глаза приличны другъ другу, и в молвахъ, и в речехъ — во всемъ приличны, токмо мудростью другъ от друга различни, и между собою велми любляхуся. Александръ же бяхе зело мочень, а Лодвикъ младъ и не мочень, токмо в томъ разность между ими бяхе.

Цысарь же имяше у себя дщерь единочадну, имянемъ Фларенту, зело ея любяше, понеже лъпа бѣ. Цысарь же на всякъ день, на исходѣ стола своего, посылая съ ѣствою Александра, цысаревна же Александра видевъ, зело его любяше и хотѣ себѣ его имѣти мужем, понеже бяхе храбръ и мудръ.

Случи же ся нѣкогда, единого дне Александру сотворше пир на свою братью, Лодвику же приказа, чтобы про него сказал цысарю немочна. Лодвик же, приѣхав к цысарю, и ста на Александрове мѣсте, и учалъ цысарю ѣсти готовить, назва ся Александромъ. Лодвика же сказавъ немочна, понеже никакъ челоуѣкъ во обличье их не могъ познати, кое — Александръ, и кое — Лодвикъ.

У цысаря же, егда стол исхожаше, рече Лодвику, мяя его Александра суца: „Милый сыну Александре, иди отнеси от мене еству дочере моей!”

Лодвик же цысаревны преже того николи не видаше, и вниде к ней в полату, и поклонися, и вдасть ей ѣству от цысаря, отца ея. Увидев же его, цысаревна и позна, иже не Александръ бѣ, и рече ему: „Како есть имя твое и чий еси сынъ?”

Он же рече ей: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же цысарьской, отца твоего”. Она же рече: „Добре, иди в покои и бей челомъ отцу моему”. Лодвик же поклонивъся и иде.

И от того часу рознемогся и легъ на ложи своемъ зело немощень. Слышав же се Александръ, иде к нему, он же рече: „Не могу, не вѣмъ, не умру ли”. Александръ же рече: „Что ти есть болѣзнь?” Лодвик же рече: „Не вѣмъ”. Александръ же рече: „Аз убо болѣзнь твою и немощь достаточно вѣмъ: носил еси ѣству от цысаря к цысаревне и видѣл еси ея красоту и обличье, сего ради сердце твое возжелѣниемъ преболѣ, то есть и немощь твоя!”

Лодвик же рече: „О любезный ми брате Александре, все бы дохтуры моей болѣзни не узнали, еже ты узнал, да не токмо ми болѣзнь, но и смерть будетъ!”

Рече же ему Александръ: „Будеши здравъ, азъ ти помогу, да не умрешитя ради болѣзни”. Изыде же от него и иде до мѣста, и купи рукомой, златомъ ученень з драгимъ камениемъ, без Лодвикова вѣдома и шедъ, дарова имъ от Лодвика цысаревну. Цысаревна же видѣвъ, рече: „Александре, гдѣ могъ такой рукомой драгий взяти, и чего ради им дарова мя?” Александръ же рече: „О пре-

красная государыни цысаревна, Лодвикъ всего имѣть доволно, а еже испытуеши, чего ради даровах ти, се убо мимо мене. Вѣси, виде тобя Лодвикъ, твоя ради красоты и не можетъ живъ быти, нынѣ убо лежитъ болѣзнию тяжъце одержимъ, ожидая смерти. Аще ли Лодвикъ умрет, то будеши виновна смерти его, нынѣ же реку тебѣ, хотя мало утѣши его!”

Она же рече: „Александрѣ, хочеш мнѣ изменити, еже бы азъ на то произволила, и впредь такие рѣчи не хошу от тебя слышати!”

Александръ же слышавъ то, поклонися ей и отиде от нея. Заутра же иде в торгъ без Лодвикова же вѣдома и купи зеркало драго, драгимъ камением вдвое дражае первого дару, и иде к цысаревне, и дарова имъ ея от Лодвика.

Цысаревна же, видѣвъ зеркало изящно и драго, повелѣ его принять, и рече ему: „Дивлюся тебѣ, Александрѣ, иже ты боле меня часто видал, а от себя слова ни единого не говаривал!” Александръ же рече: „О прекрасная государыня цысаревна, мнѣ убо не учинися такая притча, какъ ему, кто же у себѣ имѣеть друга, и онъ любитъ его, аки самъ себѣ. Нынѣ же государыни моя, Бога ради, молю тя, не дай ему изгнати и скончатися смертию!” Цысаревна же рече ему: „Иди от мене прочь, болши того не услышишь от мене!”

Александръ же изыде от нея, и во утрие иде в торгъ и купи дар дражае — скрипку злату со многоразличным драгимъ многоцѣннымъ камениемъ, и иде к цысаревне, и дарова ей от Лодвика, Лодвикъ же отнюдь всего того не вѣдаше.

Цысаревна же видевъ драгий даръ, и приемъ дар, и рече Александру: „О Александрѣ, рцы Лодвику, да мене аще убо есть зелне желаетъ, то придетъ и узритъ двери отперты, и внидетъ невозбранно”.

Сия же слышавъ, Александръ зело возвеселися, еже получи желаемое, и борзо иде к Лодвику, и рече ему: „О милый мой брате, буди весел, азъ убо добыхъ тебѣ милость у цысаревны, аще ли хоцещи, иди к ней, готова ти есть к твоей воли!”

Си же слышавъ, Лодвикъ яко от великого сну пробудися и воставъ здрав, и нощию иде к цысаревне, и спа с нею.

И от тѣхъ мѣстъ случилася душа Лодвикова со Александромъ, одна любовь бысть межъ ими. Лодвикъ же часто хожаше к цысаревне. Довѣдаху же ся сего дворяне, што цысаревна бываетъ с Лодвикомъ, и отобрався рыцари, сташа, наредяся, на дороге стрещи, иже бы Лодвика в нощи убити.

Слышавъ же сия Александръ, нарядяся с своими товарищи, и ста з другие стороны наготове, и изби неприятелей Лодвиковыхъ, и везде Александръ за Лодвика голову свою складываше, иного и Лодвикъ не вѣдалъ, а ведала все то цысаревна.

По днехъ же нѣкихъ прииде ко Александру листъ о смерти краля Египетского, нарекомаго отца его, дабы Александръ скоро ѣхалъ и королевство принял, и о семь цысаревне и Лодвику сказаша, они же, слышавше то, зело смутишася.

Приде же Александръ к цысарю и глагола ему: „Милостивый цысарю, се убо листъ приде ко мнѣ о смерти отца моего, нынѣ же прошу у тебя твоя милости, отпусти мя, да еду ко отцу моему”. Цысарь же рече ему: „Зело жалую тебя, о Александре, еже едеша от мене, понеже никою такова мудра к своему обычаю не имѣю. Нынѣ же ѣди с Богомъ, а злата елико хочещи от казны моя емли с собою!”

Александръ же поклонися ему и поеде, мнози убо по немъ плакахуся, понеже любляху его зело. Фларента же цысаревна велми плакася и рече Лодвику: „О милый мой Лодвикъ, Александръ, друг нашъ, отъедеть, ты же имаши неутешно плакати, понеже втораго себѣ Александра не обрящещи такова, Александромъ убо меня достигль еси, и противъ твоихъ неприятелей Александръ за тебѣ главу свою складывалъ”. И плакав Фларентъа много, объеъмъ Александра, и целова, и умилно глаголаше: „О любезный цвѣте очию моею, Александре, уже к тому надежды не имамъ очей твоихъ видети!” Сия и ина много изглагола в собѣ многими слезами, отпусти его, Лодвикъ же провожаше его седмь дний и много плакася о семъ. Александръ же рече ему: „О любезный ми друже, не плачися, понеже еду во Египетъ коруновати и королевство принять, а тобѣ буди со Фларентою Божья помощь, но едину ти рече исповѣмъ: по четырехъ лѣтахъ сынъ краля шпаньского, имянемъ Сидонъ, увѣсть бо о моемъ отѣзде и тогда приедетъ служити к цысарю, и будетъ ему мил, и егда увѣсть, что ты Фларенте дѣвство растлилъ, тогда от него злою смертию умреша!”

Лодвикъ же рече: „Александре, надежда души моей, бѣда ми твое отѣханье, имѣю у себя единъ драгий камень, его же мати моя дарова ми, молю тя, приими его на воспоминание любви, понеже вдѣланъ в злате перстѣне, и возложи его на руку!”

И целоваста другъ друга, и розѣхастася — Александръ во Египетъ, Лодвикъ же к цысарю и ко Фларенте.

Потомъ же скоро услыша Сидонъ, сынъ краля шпаньского, иже Александръ отѣехалъ от цысаря, и еде Сидонъ к цысарю служити, и проси у него службы. Цысарь же рече ему: „Милый ми сыну, бысть преже тобѣ у мене Александръ, иже нынѣ кралево во Египте, азъ убо его зело любяхъ, стоя у стола моего, кроя хлѣбъ, нынѣ же ты буди въ его мѣсто”. Повелѣ моршалку дати ему мѣсто Александрово и поставиша его с Лодвикомъ на единомъ дворе, идѣ же Александръ стояше. Лодвику же не хотѣвшу Сидона во дворъ пустити, и не возможе, Сидонъ же на Лодвика ненависть восприимъ, Лодвикъ же нача боятися Сидона, и не нача к цысаревне ходити, Сидонъ же довѣдался истинно, что цысаревна с Лодвикомъ дѣвство свое разруши.

И во едину же от дней цысарь стоя в полате своей и хваля доброту Александрову, Сидонъ же слышавъ и рече цысарю: „О господарю мой великий, не хвали его, понеже Александръ — твой изменникъ!” Цысарь же рече ему: „Повѣждь ми, о Сидоне, кимъ обычаемъ?”

Сидонъ же рече ему: „Едину у себя имѣши дочь, ейже Лодвикъ по Александру сведеню дѣвство растли, и хожаше к ней!”

Цысарь же, слышавъ сие, и разгнѣвася вельми, аже вниде Лодвикъ в полату к цысарю, цысарь же, призвав Лодвика, рече ему: „Что се, еже слышу от Сидона на тебя? Аще ли правда, то борзо от мене злою смертию умреш!”

Лодвик же рече ему: „Не вѣмъ, господарю мой великий, и не виненъ тому, еже Сидонъ тобѣ на меня лжетъ и клевететь!”

Сидон же рече Лодвику: „Аз на тя сказахъ господарю моему цысарю правду, а не лжу, за свою правду готовъ с тобою на срокъ битися!”

Лодвикъ же рече: „Азъ за то с тобою готовъ драться, и за ложъ твою хошу главу стяти!”

Цысарь же учини имъ срокъ день битве, и разыдошася. Лодвик же шедъ к цысаревне и рече: „О милая цысаревна, уже бо аз нынѣ сын смерти! Еже Александръ рече, тако и сталося, Сидонъ оклеветалъ меня и тебя цысарю, отцу твоему, еже азъ тобѣ девство растлихъ. Отецъ же твой зело разгнѣвася и учини нам день — срокъ битве. Аз же с нимъ не могу битися, вѣмъ, что борзо убьетъ меня, убо онъ мужъ в збруе убранъ и мочен, кромѣ Александра инъ не можетъ таковъ быти моченъ”. И нача плакати.

Цысаревна же рече ему: „Не плачи, учини се, еже азъ тобѣ совѣтую, иди борзо к цысарю, отцу моему, и реки ему, иже от отца твоего к тебѣ листъ пришел, что отецъ твой лежитъ на смертной постеле, и проси ся, иже бы ты отпустилъ отца навестити, а день бы битве отсрочилъ. И егда цысарь ты отпустит, ты же борзо поѣди ко кралю Александру и проси у него милости, дабы онъ в остатней потребѣ тобѣ помогъ, приехав за тебя с Сидономъ ся билъ, вѣмъ убо, что оба вы сличны, опроче меня никто вас не познаеть. Аще ли се сотвориши, можеша смерти уитти и честь свою взяти.

Лодвик же рече: „Добрь убо совѣтъ твой, милая ми Фларента, но не вѣмъ, поѣдет ли Александръ, оставя королевство”.

Фларента же рече: „Вѣмъ, яко Александръ не отречется, имѣю надежу, что учинит”.

Лодвик же, дряхль, шедъ к цысарю и падъ пред нимъ, просяся у него, иже бы его отпустилъ отца навѣстити, а день битве отсрочил. Цысарь же рече: „Отпущу ты, токмо приедеш ли к битве? Аще ли не приѣдеш, вѣдомо буди тобѣ, всяко главу свою погубиши и не возможеша гонзнути¹ меча моего!”

Лодвикъ же общася и кляся много, ако да приспѣеть на уреченный срокъ, цысарь же отпусти его. Он же, вседъ на борзый конь, и еде во Египеть спѣшно днемъ и нощию, достиже убо Египта, и повѣдаша о немъ Александръ.

Александръ слышавъ, и возвеселися, и выеде противъ его, и стрете², и объемя, целова его. Лодвик же рече ко Александру: „О господарю мой, брате

¹ избежать; ² встретил.

милый, скажу тебе, се убо ми животъ и смерть в твоей руке есть! Якоже ты мнѣ повѣдал о Сидоне, то все надо мною исполнилося, оказал меня и тебя, и Фларенту цысарю Сидонъ, и похвалися того ради со мною битися. Ты же убо, господарю мой, всѣси, якоже онъ мощень, аз же млад. Фларента же повелѣ ми к тебѣ ехати о споможении, яко чае твоя милости. Аще ли не поможеш ми, и аз буду сынъ смерти!”

Александръ же рече: „Отъеханья твоего, кромѣ Фларенты, кто не вѣдаеть ли?” Лодвик же рече: „Никто не вѣдаетъ, взяхъ отпущение от цысаря навѣстити отца моего немощна, и се к тебѣ приѣхавъ”. И се рекши, пад пред ногами его и нача плакати.

Краль же Александръ подня его з земли и рече ему: „Повѣждь ми, любезне, коего дни битися имате?” Он же день сказа ему. Александръ же рече ему: „На той день не мощно ми приспѣти к битве, занеже утре имамъ за себя поняти королевну, и все панове со мною будутъ на браце. А ты, аще на тот день к битве не поспѣешь, и за то тебѣ бити казнену, и азъ бракъ оставлю, нежели тебя смертно учинити, ты же учини, еже ти прикажу. Аз поеду к сроку на день битвы, а ты в мое мѣсто во Египте буди кралемъ, вѣмъ убо, что никто тя не познаеть, за наше приличие глаголють тя мною, Александром, и в мое мѣсто поими жену мою и исправляй, яко краль, егда же придеш на ложе з женою моею, буди ми вѣренъ и не коснися ея”. И сия рекъ, Александръ всѣдъ на конь и ѣде к цысарю в мѣсто Лодвика ношью. Лодвик же в заутрие, яко краль обрѣтесе Александръ, никто его не позна, и поня жену Александрову, королевну сушу, и велий бракъ учини. И вниде на ложе Лодвикъ и кралева, Лодвик же вся мечъ обнаженъ и положи между собою и кралевою, чтобы тѣло его не дотыкалося кралевы тѣла. Кралева же тому нача дивитися, а ничего не изрече. И тѣмъ обычаем спаху межъ собою и до краля Александра.

Егда же Александръ приеде к цысарю в мѣсто Лодвика, и рече цысарю: „О великий господарю, отца своего азъ оставихъ зело болна, а на день сроку приехал”. Цысарь же рече ему: „Вѣрно еси учинил, к чести своей”. Цесаревна же, слышавъ о его приезде, зело возвеселися и посла по него тайно. Егда же узрѣ его, и целова его, любезно рече: „Благословенъ есть день той, в он же ся ты роди! Повѣждь ми, гдѣ еси оставилъ Лодвика”.

Александръ же вся по ряду исповѣда ей, иде в домъ Лодвиков, и никто его не позна, кромѣ Фларенты, что не Лодвикъ.

Заутра же приеде срокъ битве, и рече Александръ Сидону предъ цысаремъ: „Слышиши, Сидоне, понеже мя еси оклеветал лживо господарю моему цысарю, аз же хошу за се тебѣ мстити, или самъ почесно умру!” Сидон же рече ему: „Азъ на тобѣ своя правда взыщу!” И сия рекше, всѣдоша оба на кони, начаша зелне битися и бишася весь день от утра и до вечера, и поможет Богъ Александру, ссече главу Сидону и отнесе ея к цысаревне. Цысаревна же, вземъ главу с великим веселиемъ, несе ко отцу своему и рече: „Возми главу того, кто мя

осрами и тобѣ лживо оклевета, и мнѣ вдай того в мужа, которой за мя умер и за мою срамоту невинную”.

Цысарь же рече ей: „Буди в твоей воли!” Цысаревна же, слышав сия от отца своего, зело возвеселися. И видев же цысарь витязство Лодвиково, и возва к себѣ Александра, мнѣвъ его Лодвика, и рече ему: „О милый мой Лодвику, се бо еси избавил себѣ и дщерь мою от срамоты и исправил еси честь мою вѣчную, и отнынѣ будеши ми мил, и дамъ ти в жену дщерь мою, и будеши по мнѣ на моемъ мѣсте цысарем!”

Александръ же рече: „Господь на небесехъ то избавляетъ надѣющася на нь, и еже ти годно, господарю, буди на твою волю, но единья прошу у тебя милости! Отець мой остался немощень, мене же отпусти для битвы, нынѣ же отпусти мя к нему, благословение бы взях от него, и приеду к твоей к цысарской милости скоро”.

Цысарь же отпусти его и рече ему: „Борзо приѣди ко мнѣ!” Александръ же поклонися ему и поѣде, и приеде в свое королевство. Сказаша же о немъ Лодвику, слышав же Лодвикъ, и возвеселися, и еде, и стрете его, и объеъмъ, и облобыза его, спрашивая о здравии. Александръ же сказа ему все по ряду, како Сидону главу оття и какъ за него цысарь объщася дщерь свою вдати в жену. Лодвик же рече: „О милый господарю мой, Александре, не единъ день животъ мой избавляеши от смерти, но многи годы! Что же ти имамъ воздати?” Александръ же рече: „Поеди з Богомъ и служи цысарю, и поими дочь его, цысаревну!” Лодвик же поклонився Александру и поеде к цысарю в ночи, а краль Александръ остался, иже нигдѣ не бываль.

Егда убо приде ноцъ, Александръ, пришедъ на ложе с королевю, учаль с нею говорити и объеъмъ, нача ю целовати. Она же рече ему: „Ужели приде намъ часъ любви?” Он же рече ей: „Что глаголеши?” Она же рече ему: „Отнеле же еси поняль мя, на всякую ноцъ клалъ мечъ нагъ между собою и мною, иже бы тѣло твое не дотыкалося моего тѣла”. Александръ уразумѣ, иже Лодвикъ ему бысть вѣренъ, и рече: „О любезная ми, не чиних азъ того твоего ради зла, провѣдываю твоего крѣпкаго прирочения¹. Нынѣ же хочу тя жаловати и любити!” Кралева же сама в себѣ помысли: „Еже ты ми сотвори, азъ тобѣ то же учиню!”

И от тѣхъ мѣстъ нача любити нѣкоего рыцаря, и нача с нимъ мыслити, како бы убити кралья Александра или окормити его смертоноснымъ ядомъ. И во едину от дней вдасть она Александру зол ядъ пити. Александръ же нача пухнути и отрудовател², жена же его, кралева, рече гражданомъ: „Видите, яко краль мой трудовать, не может королевства держать, вы же изрините³ его ис королевства!” И помале изринуша Александра от королевства.

Лодвик же, приѣхав к цысарю, и женися на цысаревне, потомъ же цысаря не стало, и Лодвикъ сяде на цысарствѣ в Римѣ и королевствова.

¹ близости; ² заболел; ³ изгоните.

Краль же Александръ по изриновении от краlevства слышав еже о Лодвике и помысли в себѣ: „Аз убо з государства согнанъ, Лодвикъ же цысарем в Риме и кралем во Израили”. И обрѣте нѣкоего боголюбива суща, иже отвезе его к цысарю Лодвику.

Приде же до дверей полатныхъ, и се с одну страну сѣдяще трудоватые, а з другую же — цысаревы мужи, Александръ же сяде с трудоватыми. Цысареви же ходяху и минувшу их, Александръ прошаше у него милостыня, он же не вдасть ему ничего. Егда же приде часъ стола его, цысарь сяде за стол, а краль Александръ нача молити придверника, глагола ему: „Молю тя, единого прошу у тебя для Бога и для Египетцкого краля Александра, повѣждь мя цысарю, дабы мя пусти к себѣ и велѣлъ ми дати ясти!”

Придверник же рече ему: „Дивлюся тобѣ, иже хочещи внити в полату къ господарю нашему цысарю, вѣмъ бо двор его полон есть великихъ честныхъ панов, и егда ты узрят такова трудовата, и возгнушаются тобою. Аще ли мя молиши Бога ради, не обленюся, повѣмъ про тебя цысарю!” И шедъ к цысарю, рече: „У вратъ есть нѣкто трудовать, просит твоя милости для Бога и для Египетцкого краля Александра, еже бы предъ тебя вшелъ и сел на земли ясти”. Цысарь же Лодвикъ, слышавъ то, иже помяну Египетцкого краля Александра, возбнувъ¹ и рече: „Введи его сѣмо, да ѣсть предо мною!” И введъ его придверник пред цысаря, и посади на землю, и дасть ему ясти.

Призвав Александръ единого от слугъ цысарьскихъ и рече ему: „Господарю мой, иди к цысарю и рцы ему: «Убогий азъ, для Бога и для Египетцкого краля Александра, прошу его милости, иже бы аз напился ис того кубка, ис которова онъ самъ пьеть»”. Слуга же рече ему: „Что глаголеши, трудовате, егда изопьеши ис цысарского кубка, потом впрод ис того кубка цысарю не мочно пити, но Бога ради все то учиню”. И, шед к цысарю, рече ему: „Милостивый цысарю, остави ми, что изглаголю, понеже онъ, трудоватый, иже сидит пред тобою, просит для Бога и для Египетцкого краля Александра твоя милости, иже бы ему пити ис того кубка, ис которого ты пьешь”.

Цысарь же паки воспомяну краля Александра свѣтлымъ лицемъ и рече слузѣ своему: „Дай ему моего вина пити, которое аз пью, из моего кубка, для Бога и для краля Александра!” Слуга же наливъ кубокъ и несе к трудоватому. Краль же Александръ выпи и положи в кубокъ перстень з драгимъ каменемъ, иже ему дал Лодвикъ на воспоминанье любви и рече слузѣ: „О господарю, иди и вдай кубок и перстень господарю цысарю!” Слуга же кубокъ и перстень вдасть господарю своему цысарю. Цысарь же видѣвъ перстень и позна и, еже вдасть его кралю Александру на воспоминанье любви, и позыбася² в нем нутреняя его, помысли во серцы своемъ: „Любо краль Александръ умереть, той же трудоватый украде у него перстень”, — и повелѣ трудоватого

¹ вздрогнул; ² задрожало, заволновалось.

стрѣщи, дабы ис полаты не вышел. „Аще ли упустиши, то живот свой изгубиши!”

Егда же бѣ после стола, призвавъ цысарь трудоватого к себѣ наедине и рече ему: „Повѣждь ми, о трудовате, гдѣ еси тотъ перстень взял”. Александръ же рече: „Господарю цысарю, али ты знаеши тот перстень?” Цысарь же рече ему: „Зело знаю, понеже мой есть, вдах убо его любимому си кралю Александру на воспоминанье любви!”

Трудоватый же рече: „Правду убо глаголеши, о цысарю, еже ми еси вдал перстень сий, аз убо Александръ”. Цысарь же, слышав сия, едва проглагола и от жалости паде на землю, и издра на собѣ одѣяние цесарское, и плакася зело, и рече: „О милый Александре, опор и надежа души моей, и кимъ обычаемъ таково тебѣ случися?” Александръ же вся по ряду сказа ему, како возненавиде его кралева и чужеложство сотвори, и как зельемъ его опои, и ста трудоват, и как с кралевства согнаша его. Цысарь же, слышавъ сие, востав облобыза его и рече ему: „Жаль ми тя, надежа души моей, уне бы умер за тя, неже бы могъ срама терпѣти! Пошлю же по наученныя лекари, иже бы тя уздравили, ты же, милый Александре, никому ся не объявляй, моя ради цысаревы, вѣмъ яко, аще ты увидить, не может жива быти”. Вдасъ же ему полату особную и всякие потребы повелѣ ему готовить, розосла же по всѣмъ странамъ искати мудрыхъ лекарей, иже бы вборзе приехали. И единого же месяца съѣхашася 30 лекарей наученныхъ. Цысарь же, видѣвъ их, обвеселися и рече: „О изящные лекари, имѣю убо у собя приятеля, пораженного трудомъ¹, можете ли его уздравити, и велику мзду от царствия моего примити!” Они же рѣша: „О великий господарю, аже будет подобно что, и мы учинимъ”. Егда же воду его осмотрѣша, и рекоша цысарю: „Невозможно намъ его есть уздравити”.

Цысарь же, слышавъ сия, вельми смутися и повелѣ звати убогих и законников², иже бы ся о немъ молили, а самъ цысарь таково же уклонися на молитву и постився доволно просяще, иже бы Господь дал здравие королю Александру, Александръ по тому же моляся и постяся. Во едину же от ношей стоящу Александру на молитвѣ, и се глас бысть с небеси, глаголя: „Аще ли цысарь Лодвикъ убьетъ своихъ пятеро сыновъ своима руками и кровь их источить, и тою их кровью обмыетъ тебя, тогда будетъ плоть твоя чиста, ³яко отрочате млада³. Александръ же, услышав сия, и рече в себѣ: „Непотребно и негодно того слова никому объявити, кто есть таков, иже бы сына своего единого убилъ, а мене очистилъ от труда, нежели пяти сыновъ убити”. И не повѣда того никому. Цысарь же Лодвикъ бес престани, день и ночь, плакася и моляся Богу о здравии Александрове. Во едину же от дней стоящу ему на молитвѣ и молящуся со слезами, и се глас бысть с небеси, глаголя: „Что убо плачеша и молишися о Александре, вѣсть убо Александръ самъ про себя, чемъ можетъ быти уздравленъ”. Цысарь же слы-

¹ тяжелой болезнью; ² здесь: монахов; ³—³ как у младенца.

шавъ, и иде ко Александру, и рече ему: „О милый Александре, надежа души моей, что твориши, вѣдаеши своему уздравлению исцеление, а не повѣдаеши мнѣ! Вѣмъ, яко ты от мене преже ничего не таил, нынѣ же что твориши, повѣждь ми, от чего можеша здрав быти!”

Александръ же рече: „Не дивися, Лодвик, иже ты о уздравлении своемъ не сказахъ, понеже учинится тобѣ трудно и болѣзненно!” Цысарь же едва всяко нѣкако привѣде его на то, еже ему сказати, от чего быти ему уздравлену. Александръ же рече: „Слышах убо от Бога с небеси глас глаголющъ ми, иже бы ты пять сыновъ своих убил своими руками и мене тою кровью обмыл, и будет тѣло мое чисто, яко отрочате. Аз же не повѣдах ти сего ради, понеже невмѣстно тобѣ сего сотворити, еже побити дѣтей своих моего ради здравия”. Цысарь же рече ему: „О милый Александре, что глаголеши и не имѣеши надежи, аще бы у меня и другая была пять сыновъ, аз бы всѣхъ твоего ради здравия своимъ руками побил!” И нача искати подобна времени, когда цысарева поидеть во церковь.

Егда же цысарева поиде в церковь, цысарь же шед в полату, идѣже бяху дѣти его, и избил их, и кровь ихъ в сосуд источил, и замкну ихъ в полате, а кровь несе ко Александру. Александръ же измыся кровию, и ста тѣло его чисто, яко отрочате. Лодвик же его зело позна и целова его, и рече ему: „О милый Александре, надежа души моей, не познах тя добре, иже ты, Александръ! Благословенъ той день, в кий аз дѣти избихъ твоего ради здравия”. И паки рече ему: „О милый Александре, сѣди ту дондеже Фларенту приведу к тебѣ”. И шедъ в церковь обрете Фларенту и рече ей: „О любезная, повѣм ти тайну свою, токмо не закручинися”. Цысарева же рече ему: „Повѣждь ми, господарю, буди воля Божия, все могу терпѣти”. Лодвик же рече ей: „Видѣла ли еси оного трудоватого, кий приде оного дне и седе пред нами в полате моей и пил из моего кубка?” Она же рече: „Видехъ”. И рече ей: „Онъ трудоватый — Египетъцкий краль Александръ есть, жена убо его окорми и от царства изгна!” Слышавъ цысарева, и не возможе терпѣти, паде на землю и воскрича велиимъ гласомъ, глаголющи: „О бѣда ми, Александре, не узнахъ!” Цысарь же рече ей: „Не кручинися, еще ти повѣдаю, дохтурь и фрязове в своихъ мудрыхъ философияхъ нашли, иже кровью детей нашихъ измыти Александра, и оттого будет здрав. И нынѣ ты вопрошаю, аще ли его любиши, велиши ли для его здравия детей своихъ побити?” Она же рече ему: „О милый господарю мой, что глаголеши, аще бы и другую пять сыновъ имѣли мы, и мы и тѣхъ всехъ побил, нежели видѣти Александра такимъ трудомъ поражена. Аще ли Александръ умрет, то животъ ему не можетъ возвратитися, аще ли же дѣти мои умрутъ, и я еще млада, и ты младъ же, и дѣти у нас еще будут”. Цысарь же рече: „О любезная ми, аз убо дѣтки свои побихъ, а Александра уздравихъ”. Цысарева же рече: „Благословенъ день той, в он же еси побил дѣти наши для Александра, нынѣ же молю тя, дай ми видѣти Александра!” Цысарь же, поемъ ея, иде ко Александру. Видев же Фларента Александра и паде от радости, и бысть веселие всѣмъ людемъ.

Дѣтем же своимъ цысарь повелѣ уготовати погребальная, прииде же к детемъ своимъ в полату, идѣ же бяше замѣкнуты, и видѣ дѣти своя скачуща и хваляща Бога. Егда же вниде сия во уши Фларенте и Александру и всем людем, и бысть радость велия во многи дни по всему господарству, радующеся, хваляху и славляху Бога, показавшаго имъ таковыя неизреченные чюдеса.

Потомъ Лодвикъ собра велие войско и иде во Египетъ с кралемъ Александром, и взя Египет, и изыма кралеву Александрову и съ еѣ чужеложникомъ, и повелѣ ихъ Александръ сожещи. А за Олександра цысарь Лодвикъ вдасть сестру свою, дѣву суцу, недругов же Александровыхъ — египетѣцких радныхъ пановъ — повелѣ казнити горкою смертию, Александра же устройвъ во Египте на господарстве, иде в Римъ.

И прочее же лѣта краль Александръ в покое поживе и кралевство самодержно и мудро воздержа, и своих неприятелей всѣхъ побѣ. Потомъ же помысли ѣхати ко отцу своему и матере, от кого былъ вкинутъ в морѣ, и посла к нимъ посла своего, а велѣлъ имъ вѣстно учинити, что хошет к нимъ краль приѣхати и столовати у них. Посол же приѣде в ту страну, гдѣ кралево сродство, а не вѣсть того, что кралю они отец и мати, и пришедъ, поклонися имъ и от краля Александра рѣчь изрече: „Господие мои, краль Александръ хошетъ к вамъ приѣхати и стол учинити!”

Рече же цысарь, отецъ царя Александра: „Благословенъ день той, в он же господарь мой краль хошет у мене витати!”. Мати же кралева рече послу: „Мы убо господарне люди препростыя, не имѣемъ, чимъ почести кралевския сотворити”. Посол же возвративъся ко кралю и повѣда ему вся.

Потом же король приѣде борзо ко отцу своему с великимъ войском. Рыцарь же, отец его, изыде во стретение его и поклонися ему до земли, а не вѣсть, что сынъ его есть, егоже в море вкину. Краль же повелѣ ему возстати з земли и повелѣ сѣсти на конь, егда же приближися до града, и се мати его изыде внѣ града на стрѣтение ему и паде пред нимъ. Краль же подня ея з земли и обня ея. Она же рече ему: „О великий милостивый господарю, что твориши, кралю Александру? Се убо велия почестъ намъ бысть!” Егда же придет краль за стол, цысарь же приим умывалницу с водою и хочет кралеви послужити, на руки воды возляти, мати же его приемъ, держа полотенцо. Краль же Александръ видевъ то, и усмѣхнувся, и помысли в серцы своемъ соловьево воспевание, и рече: „Се ми исполнися, отец ми и мати ко умовению рук послужиста ми”, — и повелѣ слугамъ своимъ взяти из руки рыцаря, и полотенцо у рыцаревы. Рыцарь же рече „О великий господарю мой кралю, или не достоинны мы тебѣ, господарю, послужити? Молимъ тя, повели намъ собѣ послужити, и намъ будетъ вѣчная хвала!” Краль же рече: „Понеже есте стары, и сего ради сядите и не дѣйте сего”. Сяде же краль за столомъ и посади отца с правую сторону, а матеръ ошуюю². Егда же бѣ после

¹ жить; ² слева.

стола, краль же вниде во внутреннюю комнату и повелѣ с собою внити рыцарю и рыцареве, прочим же всѣмъ повелѣ вонъ изыти. И рече имъ краль: „О любезныя ми, повѣсте ми, сколько имѣете дѣтей?” Они же рѣша: „Не имѣемъ ни сына, ни дщери”. И паки рыцарь же рече: „Имѣли есмь сына, и той умер”. Краль же рече: „Коею смертию?” Рыцарь же рече: „Своею смертию”. Краль же рече: „Аще ли сыщу, что иною смертию умре, что сотворю вамъ за вашу лжу!” Рыцарь же рече: „О милостивый господарю кралю, чего ради испытуети о нашемъ сыну?” Онъ же рече ему: „Хочу вѣдати, кимъ обычаемъ умре, вѣмъ, что вы его убисте!” Они же слышавше, падше на землю и начаша просити милости, глаголаста: „О великий господарю, смилуйся над нами и исповѣдуемъ ти всю истину! Имѣхомъ убо у себѣ сына единого, исповѣда он намъ соловьево спѣвѣнье, что ему быти велику и богату, и намъ, мнѣ и матери его, ему послужити, держати ко умыванию воду и полотенцо. Нам же учинися сие за кручину, и за то кинухом его в море”.

Краль же рече: „Что же бы в томъ злое было, еже бы се исполнилося? Была бы честь и хвала ваша. И сего ради вы пред Богом зело согрешисте, то убо видите мене, аз вашъ сынъ, его же вкинете в море, но Богъ милосердиемъ своим из глубины морския востави мя и сотвори мя крала и господаря Египту и всей земли египетстей”.

Они же, слышавше сия и убояшася, и падше на землю, прошаху милости. Александръ же рече имъ: „Не боитесь, ни порока вамъ буди”, — и объемъ, целова отца и мать, и паки рече имъ: „Идите во Египетъ да царствуйте со мною!” И приемъ, веде их с собою с хвалою и с честью велиею зело”.

И сия рек, Диоклитиянъ возгласи отцу своему цысарю: «О милый господарю мой, драгий отче, разумѣхъ ли еже ти исповѣдах? Господь ми дасть велию хвалу и мудрость, не отнях бы аз у васъ королевства и не могъ васъ в нищите видети, но сице убо сотвори, якоже и онъ имѣ родители своя, от которыхъ былъ вкинуть в море».

Цысарь же рече ему: «О любезный ми сыну, добре поразумѣхъ, еже ми глаголеши, и отселе даю ти царство, и с тобою буду жити, понеже аз стар есмь».

Диоклитиянъ же рече: «Се убо, отче, нынѣ судъ свой исполни цысареве, женѣ своей».

Цысарь же власть отвѣтъ и повелѣ цысареву свою и съ ѣе любохотникомъ казнити казнию: привезати к лошадемъ и роздернути, а останки, кости ихъ, повелѣ сожещи.

Сам же потомъ в борзе умре. Диоклитиянъ же сяде на цысарствѣ на мѣсто отца своего и господарство свое дивно и самодержжно воздержа. Его же премудрости вси челоуѣцы почюдишася, и прочая дни живота своего в покое и в радости, в неизреченномъ веселии препроводи. ¹И сия доздъ¹. Аминь.

^{1—1} здесь: вот и все.